

ВИТАЛИЙ ДИКСОН

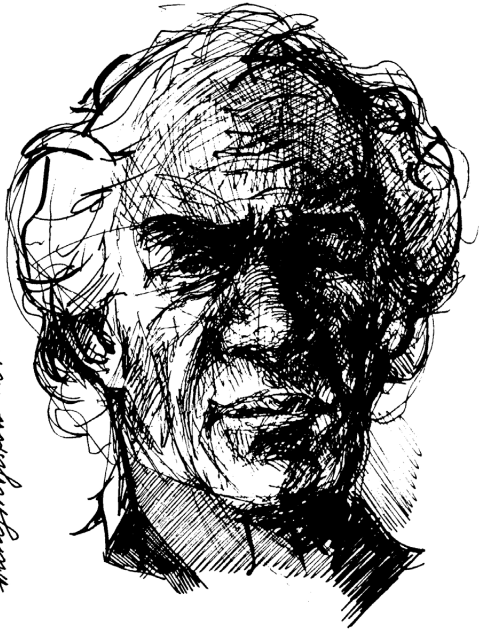
**ТРЕУГОЛЬНИК
ПОГРЕШНОСТЕЙ**

IMWERDENVERLAG

MÜNCHEN

Henry Regenstein 2018

ВИТАЛИЙ ДИКСОН

**ТРЕУГОЛЬНИК
ПОГРЕШНОСТЕЙ**

IM-WERDEN-VERLAG
Мюнхен 2018

На второй странице помещен
Эскиз к портрету Виталия Диксона. Январь 2018.
Худ. Алексей Третьяков (Альтенбург).
Чернила Lamm, 20x20.

© Виталий Диксон, 2018

© Im Werden Verlag, München, 2018

<http://imwerden.de>

ISBN 978-1-387-58883-1

**УТРЕННИК
С АПЕЛЬСИНОМ**

ПОВЕСТЬ

12.

...И было янтарное море. И неба кровь с молоком. И бронзовые сосны в дюнах. И заходящее солнце. И Хозяин жмурился, точно кот, от тихих радостей. И кот, точно Хозяин, улыбался компанейски и лапой гостей зазывал. И гость пожаловал.

— Проходи в дом, добрый человек, — сказал Хозяин.

Человек с ружьём вышел из леса, из болот. Грязный, ободранный, лешак лешаком, в бороде паутина, в паутине ненасытные комары с мошкаррой общежитие делят, паразиты.

Присел гость у крыльца. Видно, что больше, чем просто притомился.

— Раздевайся, добрый человек. Снимай балахон свой, сапоги. Жена в дом унесёт, на печи просушит.

— Ну, это лишнее беспокойство будет, чтобы на печи, — отвечал прихожанин. — Я вот балахончик-то на ветерке приспособлю. Гвоздичка не найдётся ли?

Хозяин гвоздичек вынес, новенький, самокованный. Нашарил прихожанин под ногою камушек да и вбил гвоздь в бревенчатую стену.

— Вот, зараза, — сказал, кривясь и палец посасывая, — как шандарахнул. До крови, кажись, поранил. Камушком-то не шибко способствует.

— Не способствует, — согласился Хозяин. — Это ведь только дураки знают, как правильно камнем гвоздь заколачивать.

— Так ведь мы, однако, не дураки, — улыбнулся прихожанин.

— Не дураки. Я так думаю. Но могу, конечно, ошибаться, кто ж без греха...

— Ай, да бог с ним, с пальцем! — сказал прихожанин. — Не возражаешь ли, Хозяин?

— Какие возражения?

— Правильно. По взаимному, стало быть, согласию мы с тобой сладились, — сказал прихожанин и повесил мокрый свой балахон на гвоздь, на просушку-продувку.

— А принеси-ка ты нам, жена, молочка вечерошнего. Да к молочку сама знаешь чего...

11.

Утром вышел на крыльцо Хозяин и очень удивился. Прихожанин сидел на опрокинутой бочке под висящим балахоном, с ружьём в руках, навроде правильного сторожа, будто бы и вовсе не спал.

— Так всю ночь и караулил, что ли?

— Караулил. Вон гвоздь. Вон балахон. Всё на месте, в полной неприкосновенной сохранности. А принеси-ка ты, Хозяин, молочка. У вас парное?

— Понятное дело, утрешнее.

— Парное это хорошо. Состоянию здоровья полезно.

Предоставила жена крынку, повязанную чистой марличкой.

Прихожанин выдул в два передыха, с удовольствием, и усы огладил.

— Как страну-то вашу называют?

— Да никак, — ответил Хозяин. — Без названия проживаем. Против неба на земле.

— Это плохо. Без названия проживать никак нельзя. Выходит, нам с тобой по этому вопросу надо переговоры устроить. Буду я навроде как

посол народа. Черезвычайный, значит, и с полными мочами.

— Зачем посол? Не надо посла. Будь гостем. А послы — ну их! Бывал тут у меня один такой. Я, говорил, посол державы. Давай, говорил, договор подписывать. И был дан ему обед. Посол обед съел, а договор подписать забыл. С тем и ушёл обратно в свою державу.

— Некультурный какой, — сказал прихожанин. — Ну, ладно. Пора браться за дело. Ты пока здесь посиди, поохрани, а я сейчас мигом обернусь. За скорой помощью.

Надел балахон. Повесил ружьё на гвоздь. Выставил опухший палец перед собою навроде маяка — и пошёл, и скоро скрылся в лесу.

10.

Отставил Хозяин свои заботы насущные, ежедневные. Хоть и не шибко общительным был — по устройству жизни, по её дремучему отшельному протеканию вдали от огней больших и маленьких городов — но как же не уважить стороннего человека, соседа по земле, пусть даже и очень дальнего? Да и просьбица-то его

пустяковая. Сиди на бочке, трубочку покуривай, гвоздь с повешенным ружьём охраняй...

Вот и сидел, дымил табаком и голову ломал в немыслимых рассуждениях: от кого же беречь этокое добро? кто на него позарится? сроду в здешних местах ни воров, ни других лихих людишек не водилось, двери без запоров, без крючков, без ключиков-замочиков тепло в доме берегут, а низкий косяк с высоким порогом в этом бережении дверям помогают, всего-то и делов...

А дел было много. Море и карбас с парусом — ловцу салаки и селёдки незачем молочные реки да кисельные берега. А ещё лес с дичью, орехами и мёдом. Да ржаное поле. Что посеешь, как говорится, то и пожрёшь, прости господи. А рыбокоптильня? А кони?.. Всё успевал Хозяин, потому что не успевать было нельзя, зима накажет.

Но тут вот дела-то и замерли, будь ты неладно, сторожение это. Даже заскучал Хозяин, чего с ним никогда не приключалось.

Одна жена с ребятишками крутилась да хозяйством правила, огород да мелкая домашность — это уж её забота, бабья.

Сидел Хозяин на бочке да раздумывал. На море смотрел. Там, вдали от шелестящего берега, бесшумно плыли деревянные корабли, стальные люди. А ещё были стальные корабли, но какие люди имелись на таких кораблях — Хозяин не знал.

— Эх, позиция, — вздыхал он, позёывая, — хоть бы разбойничек какой сюда заглянул, на пришельцино ружьишко нацелился...

9.

И вот однажды под вечер прихожанин снова вышел из леса. Да не один. Сроду такой ватаги Хозяин не видел, чтобы столько людей — и все в одно время и в одном месте. И молодая бабёшка с ними, в красной косынке, в полусапожках со шнурками, во рту папироска, а на груди приколот кружевной платочек, незасморканный.

— Вот, радуйся, чухня болотная, — возгласил весёлый прихожанин. — Привёл товарищей. Можешь слазить с бочки, тут мы сделаем пост номер один. Караул поставим в три смены, и твой гвоздик с моим оружием будут целые, да и тебя никто не тронет.

— А чего ж, — сказал Хозяин, — поживите, отдохните с пути, отмойтесь да откормитесь, а нам с хозяйкой повеселее будет...

— А вот это не надо! — построжал прихожанин. — Мы сюда не веселиться пришли. Послушай-ка! Там, ещё вдалеке, за лесом... Слышишь?

Напрягся Хозяин, а ничего такого страшного не услышал, вроде бы как дальний гром, приблизительный, так оно и хорошо, дождичек придёт, ванна небесная...

— Тю, гром! — усмехнулся прихожанин. — Слушай сюда, пень лесной! И ты услышишь тяжёлую поступь. Это идут железные полки нашего трудового народа! А насчёт покормиться — это ты хорошо придумал, и помыться то же самое. Слей-ка мне водички, Хозяин, не поленись.

Скинул прихожанин балахон, рубаху, плещется, верещит, ровне дитё малое, фыркает под струёй из ведра, и лицо его, становясь чистым, попискивало кожей под ладонями точно упругий капустный кочанчик.

— А потри-ка спинку, Хозяин. Уж мыться — так мыться!

— Худющий-то! — удивился Хозяин. — Одни голые рёбра торчат. Ну, ничего, ты у нас тут на молочке быстро напитаешься. Баньку протопим. Чего ж из ведра-то? Вон, гляжу, грязища на тебе аж целыми клочьями отваливается.

— Это у меня не грязища, — фыркнул прихожанин. — Это у меня нижняя рубаха сопреввши. У тебя лишней не найдётся ли?

У прихожанина были чистые глаза, ясные. В них горело братство.

8.

Через недельку выкатился из леса дымный, вонючий автопоезд. Пару грузовиков с народом тащил за собою броневик, стрелявший во все стороны выхлопными газами.

Хозяйская собака, склонив голову набочок, пребывала в полном недоумении: то ли лаять ей, то ли нет? как лаять, если лаять, — с приветствием или наоборот? а если случится наоборот, то кого кусать? Куры же, и без того дуры, вовсе сошли с ума, на деревья взлетели,

— Выходи, Хозяин! Принимай сурьёзную компанию. Щас митинг сварганим. Ты, да жена твоя, да детишки будете как бы местным на-

селением. А митинга без местного населения не бывает.

Люди в кожанках и бушлатах мигом сгрузили спелые клюквенные знамёна и лозунги на палках. Оркестр пригото-вился к музыке: барабан с тарелками, балалайка и большая медная труба — змеевиком вокруг трубача.

— Быстро, быстро, товарищи! Трибуну на крыльцо!

Поставили деревянную трибуну с графитом.

— Народ собравши?

— Тута мы, — ответил Хозяин за всех, за жену любопытную, за четырёх своих восторженно-перепуганных детишек, жавшихся вокруг матеиноного подола.

И за трибуну встала бабёшка.

Она говорила недолго, но громко. Кулаком стучала. Воду из графина не пила.

— Эта несчастная страна Потогония, — кричала она, — трудно нам досталась, солёным потом наших безвинных товарищей. А сколько горячей крови отдали мы всяким болотным паразитам! Но ничего! Будущее за нами! А ещё за нами следом другие товарищи тянут желез-

ную дорогу! И скоро по ней придут сюда непоколебимые, непоколе... ёш-твою-клёш! непоколебимые локомотивы истории! Я извиняюсь, но это так и будет! Чтоб мне провалиться на этом месте!

Бабёшка топнула ногой — и провалилась. Доска крылечная не выдержала...

Грузились в обратном порядке. Сначала бабёшку в грузовик эвакуировали, потом — графин, трибуну, оркестр, знамёна... Зачихал броневик, задрожал, напрягся — и потащил поезд дальше, дальше...

Крыльцо Хозяин, конечно, тут же починил. Но прихожанин прибил-таки дощечку на столбик: «Дом находится под охраной государства».

7.

По утрам били в рельсу, специально для побудки привезённую на автопоезде.

— Выходи строиться, товарищи! — кричал контролёр выхода на работу; он поднимался рано, раньше хозяйки, обязательной к утренней дойке, раньше самого Хозяина.

Зевая и почёсываясь, вытягивались пришельцы из сарая, где поселились. А контролёр

спать ложился, на этом его первоутренняя забота прекращалась.

Прихожанин проживал в доме.

Однажды попенял Хозяину — ласково, но с упрёком:

— Что ж ты, мать твою за ногу, игнорируешь и пренебрегаешь? Не по-братски это. Все пробужаются, и ты пробужайся. Строй порядок обожает.

У него были ясные глаза. В них горело неизъяснимое чувство.

— А на что мне строй? — удивлялся Хозяин. — Мы тут всю жизнь без строя обходились — и ничего, управляемся.

— Глупость говоришь, друг, товарищ и брат. Если ты в коллективе, так, значит, соответствуй и способствуй. То есть, не уклоняйся и разделяй. А которые уклонисты, так у нас с ними разговор короткий, без прений.

Хозяина ещё продолжали называть «хозяином», но уже как-то так кривенько, с усмешечкой, с маленькой буквы.

Жену хозяина приспособили к общему котлу, щи варить и кашу.

Ребятишки хозяйские — что с них взять, с маленьких? — в общий строй покуда не стано-

вились, но занимали очередь к котлу для себя и родителей.

Мамка однажды исподтишка плеснула в миску самого маленького лишней черпачок, так очередь заурчала и засопела, а Прихожанин объявил мамке строгий выговор перед строем.

Целый день пришьельцы сидели на ошкуренных брёвнах, заготовленных впрок, обсуждали злобу текущего дня и голосовали поднятием рук.

Через каждые четыре часа сменялся караул на посту номер один. Там же поставили пулемёт, приехавший с автопоездом.

6.

Как-то раз на брёвнах проходила ежевечерняя политическая летучка. Вызвали с покоса хозяина.

— Уклоняешься, товарищ! — сказали ему. — Демонстративно и нахально. Небось, у тебя для такой нахальности где-нибудь наверху рука есть волосатая?

Хозяин руки перед собой вытянул — смотрите, мол:

— Вот эта. И эта. Других не имею. Никого со стороны не приневоливаю. По евангелию живу.

— А откуда у тебя это ивангелье?

— От Луки.

— Это не годится, товарищ. И мы здесь в этом вопросе должны свою точку поставить, чтоб никакого лукавства. Будет наша, собственная торговля. Сельпо, называется. Спецназ. Все, как один, будем дружно брать ивангелья от Ивана Иваныча из центра. Вот вскорости чугунка подойдёт. Красные фуражки наденем. Болота осушим...

— Болото не надо бы, — робко возразил хозяин. — Там клюква хорошая.

— А нам твоя клюква без надобности. Мы здесь социал-демократию будем разводить.

— Кого это?

— А вот завтра узнаешь. На конференции. Потерпи ма-ленько. А то скажи тебе сразу, так ты и лопнешь от радости.

5.

На конференции выбрали Хозяина.

Хозяин (с маленькой, с нехорошей буквы) был «явивши» на мероприятие со всем семейством, принаряженным.

Накануне ему сказал Прихожанин:

— Всё сделаем по чести, по совести. Будем решать и определяться. Будем голосовать за светлое будущее. Ты будешь как бы против. А чухрёнки твои — как бы за. А жена твоя — как бы воздержавши. Вот это и есть социал-демократия. А когда твои товарищи будут кричать «поддерживаю и одобряю», ты кричи совсем наоборот, дескать, «одобряю и поддерживаю». Понял?

Глаза у Прихожанина были чистые, в них горело синим пламенем светлое будущее.

Но хозяин так ничего и не понял.

Он сидел смиренно и рассуждал.

«Чьи кони?» — спрашивал Прихожанин. А кони были вольные. Но в то же время — и хозяйские. То есть, они были хозяйские, но всё же вольные. И этого Прихожанин никак не мог понять и очень сердился. Ловили коней. Клеймили раскалённым тавром. Кони обиделись и ушли.

Или вот другая обида: побудительная. Подъём — под рельсину, отбой — опять же с ней, с чёртовой железякой, а между двумя снами — сплошной перестук-перезвон, словно

в кузнице... Хозяин удивлялся. И Прихожанин удивлялся на его удивление. «Как же это, — говорил, — просто так, например, дрова колоть? Чтобы без обозначения субъекта и объекта? Надо сначала это дело обдумать и назвать. Например: нужно для тепла печь топить? Нужно. Нужно дрова принести. Чтобы принести, нужно наколоть. Такая диалектика природы. А кому наколоть? Тут другая диалектика, с человеческим фактором: вон тому товарищу, которого очередь наступила. А товарищ, может быть, и позабыл вовсе. На этот случай контролёр есть с рельсой — и товарищ осознаёт свой долг, берет колун и — с места с песней шагом марш. А без осознания и обдумывания какие ж это дрова? Чурки, а не дрова...»

Хозяину было смутно. Он сомневался. Он думал: а ведь не может же быть такого, чтобы он, один, был кругом правым против стольких людей, не может же его несогласие оказаться верным поперёк коллективного согласия! Чего стоит его одиноконьякая диалектика «не так» против дружного «так»?

...Жена под бок тыркнула - весёлая:

— Твоя очередь! Подымай руку!

Хозяин поднял руку. Одну. Потом другую.

Хозяином выбрали Прихожанина — единогласно, один против и одна воздержавшаяся. Протокол составили в двух экземплярах.

Бывшую с этого момента хозяйку определили в прослойку. А бывшего хозяина назначили евреем. «С вытекающими последствиями», — сказал Прихожанин. У него были светлые глаза, в них горело прошлое.

4.

— Я в тебе эту гнилость унюхал давным-давно, — сказал Прихожанин. — Эх ты, бревным бревно! Скучно тебе стало? Не с кем бороться за мир? Ну, и ступай прочь, говным говно. Неси свою жалобную апелляцию. Пусть там, в центре, объяснят тебе сущность момента и ошибки поведения. Иди. Мы согласные. Один протокол передашь Иван Иванычу с приветом. Как минуешь лес и болото, так и двигайся, прямо и прямо, никуда не сворачивай, покуда не упрёшься.

Попрощался хозяин с домашними своими: жена, детишки, кот, пёс, петух, единственный конь (хоть и оскорблённый клеймом, а вернулся-таки к хозяину, сынок долгогривый, со звёз-

дочкой во лбу...). Своя ворона каркнула. Своя сорока прострекотала.

Вслед за ним ещё долго волочилась пыльная муть. Но и она скоро исчезла.

3.

Легко было сказать Прихожанину: «покуда не упрёшься». А вот нигде не упиралось.

Всё шёл и шёл хозяин. Спрашивал: где центр? Люди встречные-поперечные кто простой рукою, кто палочкой полосатой указывали: топай дальше, мил-человек, мин херц, мон ами, амиго...

2.

В одной торговой точке, в «спецназе», купил хозяин парочку диковинных фруктов под названием «апельсин».

Золотой шар. Разбирается на дольки. Весь из долек. Числом двенадцать. Каждая — как свежая луна. А вся дюжина вместе — полуденное солнышко. Общая доля.

Любовался хозяин фруктом. Прежде чем кушать дольку, совершал, прости господи, последнее целование. А что? Как губки дочек. Как

щёчки сынков. Как женино ушко, розовое, просвеченное утренним солнцем. Как петушиная бородка. Как кончик старательного собачьего языка. Как кошачий глаз. Как лошадиная звёздочка во лбу. И такая же долгая, такая протяжная долька, как прощальное напутствие сороки-вороны.

А одна долька — его, хозяина.

Спрятал он второй апельсин в карман: домой принесу, каждого оделю, порадую.

До центра, казалось, уже рукой подать, вон за тем горизонтом, таким близоруким.

1.

...И было янтарное море. И неба молоко с кровью. И бронзовые сосны в дюнах. И восходящее солнце. И без году неделя.

Хозяин вышел из леса. Грязный, ободранный, лешак лешаком, в бороде паутина, в паутине ненасытные комары с мошкаррой общежитие делят, паразиты.

Ничего в руках. Ничего за душой. В душе тоска. В кармане шар золотой. Позади — весь мир с человеческим лицом, малость перекошенным от счастья.

Слева копёшки сена — как будто бы сам ещё вчера своими руками сложил. Справа — гранитный камень-валун, совсем как на его ржаном поле. Сосна, подпалённая молнией, как и его сосна. Ручеёк, подобно его ручейку, комкал отражения. Дорожка, похожая на его дорожку. Забор. Воротца. Скамеечка приворотная... Надо же? Живут люди, как он у себя проживал когда-то.

И баба на дворе — точь-в-точь, как его жена, которой нет любчее. Охнула баба и осела на землю... Чего испугалась, дурёха?

И четверо детишек на дворе — вылитые его.
— Папка вернулся!

Бедные, бедные... Видать, тоже без отца проживают, наскучались, маленькие.

И пёс на дворе такой же, дребезжит, зубоскал этакий, да кто ж это надумал собаку на цепь посадить?

— Куда прёшь, скотина безрогая? Выкладывай пароль через границу! — закричал какой-то мужик возле дома и аккуратно застрекотал из пулемёта.

Замер хозяин на месте. Какой пароль? Нету пароля. Дальше, через границу, обозначенную фонтанчиками пыли, идти нельзя.

Положил он апельсин на крылечко и покинул двор. Но дальше передвигаться уже не было сил. Это, вообще-то, не было главным и решающим, силы он нашёл бы, если бы вспомнил, зачем уходил из дому. Но он забыл. Было какое-то дикое жалобное слово, но он запомнил в пути: какое именно.

Вышел на крыльцо помочиться какой-то другой мужик, широкий, хозяйственный. Наступил сапогом на золотой шар — и нет золотого шара.

У мужика были чистые глаза. В них много чего горело. Но вот остались одни глаза. Простые. Пустые. Доисторические.

И вышло время. Куда пойдёт, куда придёт оно?

И пришелец решил остаться здесь.

И остался.

Но всю оставшуюся жизнь его тянуло домой.

0.

И сказал Пауль Эрих Руммо по-эстонски:

Розовый шиповник на окраине луга.

Лютики, ромашки, бурые лужи дороги.

С какой стороны подошёл я, не помню...

И откликнулся на родную речь Яан Кросс:

Тот, кто перевидел тыщи
и ещё раз тыщи разных лиц,
может не узнать кого-нибудь из близких
и пройти мимо.

А в чужие лица вдруг проникнет —
и узнает, кто они.

И сказал Юстинас Марцинкявичус по-литовски:

Снаружи дома старого, к Стене
в морщинах и рубцах, лишённой окон, —
к слепой стене на внутреннем дворе
прижалось время, прислонилась вечность...

Ты должен будешь заново открыть
всё — и топор, и клинопись, и бога.

И сказал по-латышски Ян Грот:

Это будут лишь немногие
из тех вечерних сказаний,
что сказывал в деревне мой друг.
Его года уже клонились к закату...

Вильнюс, 1991

**ПОСЛЕДНИЙ
ДОВОД КОРОЛЯ**

ПОВЕСТЬ

I

В тридесятом царстве, в тридевятом государстве...

в Датском королевстве, где тамошний принц унюхал гнилость державных устоев...

в доме Облонских-Обломовых с окнами на поле ржаное и далее, за лесок, в Европу...

во дворце, где играют, как дети, свирели...

в светлице терема с балконом на море...

в шалаше, где с милым рай разливанный, весь в звёздочках и трёх семёрках...

в палатах № 6, белокаменных, где уймища умища, солнечная сторона, телефон, санузел отдельный...

в хоромах небоскрёбов, где всяк маленький такой, и токует безответно, и токарит наособицу...

в лачужке ветхой, словно няня, печальная, тёмная...

в избушке лубяной-Лубянской, что без окон, без дверей, полна горница гвоздей...

в хижине дяди Тома...

в этом огромном, прекрасном и яростном мире, бороздящем вселенскую целину, то самое непостижимое начало, у которого на языке людей нет ни имени приличного, ни названия, —

всё смешалось: сказка с пылью, Кафка с былью, смешное и горестное, отрицательные знаменательные и нарицательные числительные — первый класс, второе дыхание, третий глаз, четвертое измерение, пятый угол, шестое чувство, седьмое небо, восьмёрка в колесе — как знак бесконечности, девятка в угол, десятка в мишени, а вокруг Ея Величества мишени не какое-то нулевое молоко, но млечный путь, пронумерованный, точно столбовая дорога, рассыпанная в меловой пылице захватывающей игры: тузы, короли, дамы... А имена ненавистны, *nomina sunt odinosa*, не будем называть имён... Будем. Цицерон погорячился.

II

«Много лет назад жил-был на свете король...» Это было давно, но это была сущая правда, ведь не зря же именно с этой голой правды о новом платье короля начинал свою сказку великий датчанин Ханс Кристиан Андерсен.

У короля было достойное королю имя Кристиан, и номерочек имелся, косой римский крестик. Десятый, значит.

На башне дворца Розенборг часы пробили полночь. Молодой игривый ветер, примчавшийся из бухты Кэге, покружил над шпилем, приняв его за большую юлу, поиграл язычками красного королевского штандарта с государственным гербом, впечатанным в середину белого креста. Скучно озорнику... На Вольной Королевской улице подметать, как всегда, было нечего, ни пылинки там, ни соринки заваляшенькой, и ветер, надув обиженно что-то своё, сугубо воздушное, умчался прочь, дальше, в сторону Амагера, островную часть Копенгагена, а может быть и не туда, поди пойми его, сорванца...

В библиотеке дворца было тепло, пахло жареными кофейными зёрнами, данхилловским трубочным табаком, ароматным дымком от яблоневых полешек в камине и вполне определённым, плотным и многослойным духом старых книг в массивных шведских шкафах.

Король Кристиан X размышлял, представьте себе, о прогрессе. Ему это по положению положено. Но и нам не помешает.

Итак, есть мера в вещах. *Est modus in rebus*. Тит Макций Плавт рассуждал на эту тему в «Карфагенянинах», Квинт Гораций Флакк — в знаменитых «Сатирах», Марк Анней Лукан — в «Фарсалии» со ссылкой на учение Катона...

Но есть вещи как мера! Парус. Серп. Молот. Скрипка. Гончарный круг. Карандаш. Курительная трубка. Кисть живописца... Вещи состоявшиеся, почти одушевлённые, в них таится своя, уже неповторимая прелесть, неподражаемое совершенство и призыв к жизни. Лучше уже не придумаешь, ибо они и есть мера разумного. Но даже если и придумаешь, то это будут уже совершенно другие вещи, новые, незнакомые, и называть их будут другими именами, и ещё

неизвестно, чего от них можно ожидать более: вреда или пользы...

Вот книга. Двести мер зерна, два воза вина да ещё каждый год новое платье... да, новое платье для «короля книгопечатания» Иоганна Гутенберга. Какова плата? Да уж такова, что в сравнении с нею содержание другого «короля» выглядит прямо-таки расточительством: восемьдесят пять гульденов деньгами, да ещё три меры пшеницы, да сажень дубовых дров, да сажень буковых дров, да шесть мешков угля, а вместо пахотной земли выдавалось шестьдесят вязанок хвороста и три фунта рыбы, и всё это жалованье ежегодно доставлялось прямо к дверям дома, где проживал органист храма святого Власия в Мюльхаузене Иоганн Себастьян Бах, муж своенравный: что, дескать, ему какая-то рыба, коли слышит самого бога и только поэтому полощет пальцы в чёрно-белых морях?..

Король осторожно принял от письменного стола толстый томик и раскрыл его наугад, точнее, так, как он сам соизволил открыться.

«Около полутора миллиардов звезд, — читал король, — насчитывается в мировом про-

странстве, и, как известно, полтора миллиарда человеческих существ живет на Земле. Одинаковое число! Недаром утверждали в древности, что каждый человек рождается под своей звездой... Увы! Человек не звезда, открытием и регистрацией которой можно стяжать себе славу...»

Это Мартин Андерсен Нексе. Это «Дитте — дитя человеческое». Король ещё в молодости зачитывался этим романом, но книги были другие, не эта, что в руках. Эта, что в руках, была с обугленными уголками и корешком, с рассыпающимися страницами. Её доставили в Копенгаген дипломатической почтой из Берлина в начале тридцатых годов. Тогда национал-социалисты, пришедшие к власти, грудями сжигали на площадях ненужные национал-социализму сочинения, какой-то смельчак спас «Дитте» от огненной казни, потом она попала к датскому послу... Это так, так. Сначала всегда бывает так: в первую очередь жгут книги, потом — детей человеческих и их жилища. Что варварам до звёздного счёта?

С хрупким томиком в руках король подошел к окну. В нём небо. Оно было не датское и

не скандинавское. Небо принадлежало Земле. Равно как Земля принадлежала небу. Мир как мера. А мера, — восклицал Гораций, — да будет во всём, ибо всему должны быть пределы...

III

С Пифагоровых времён в греческой философии господствовало мнение, упроченное Платоном и Аристотелем: в отличие от Земли, где всё бренно и переменчиво, на небосводе всё постоянно,

— Боги дали зрение людям, — говорил Платон, — чтобы они, наблюдая безупречное круговращение небесного разума, навели порядок в непостоянных круговращениях своего ума на почве ненависти и любви.

Люди послушались Платона — и наблюдали.

И вот однажды донаблюдались... На датской почве. При короле Фредерике II, в 1572 году астроном Тихо Браге обнаружил на небосводе новую звезду в созвездии Кассиопеи. Он был потрясён открытием, потому что этого открытия не должно было быть, поскольку оно вступило бы в противоречие с учениями Платона и Аристотеля, завещавших: наблюдать-то

наблюдай, но не очень-то из нас высовывайся, думай, высокие мысли рождаются тихо-тихо... А во-вторых, кто же поверит этой высунувшейся новости от Тихо Браге? Учёная братия? Никогда.

И смятенный астроном бросился к независимым от телескопа свидетелям. Ими были крестьяне.

— Видели новую звезду?

— Ну.

— Дадите клятвенное подтверждение?

— Ага, — ответили земледельцы и скотоводы, достаточно знакомые не только с землёй, но и со звёздным небом; небо-то как раз напротив земли расположено.

«Король новой звезды», повергнув философию учителей, ошеломленно оправдывался:

— Я не виноват, что так получилось. Случилось чудо. Его мне подарило небо. И крестьяне...

А никакого чуда, в сущности, не было. Не в сказке живём. И попробуем думать не сказкой, но былью.

Монтень сказал: «Простые крестьяне — прекрасные люди, и прекрасные люди — фи-

лософы. Но всё зло идет от полуобразованности». Конечно же, мыслитель имел в виду не школы и университеты, а полуобразованность нравственную.

Подданный любого короля может сказать: спасибо за науку, понятно, поучительно, однако с какой стороны приладить к Монтеню державные думы о прогрессе, ваше величество?

А давайте не будем спешить. Скоро только сказки сказываются, да и прогресс вон какой оказывается, галопирующий...

Двадцатый век, век небывалого в истории прогресса, породил лавину столь же небывалого хамства. Век, пронумерованный двумя косыми римскими крестами, можно назвать веком прихода в мир законченного библейского Хама.

Вот земледелец или скотовод. Его нравственность — в древнем племенном опыте сообщества, и опыт этот выражен однозначным табу: нельзя! Система запретов и ограничений позволяла быть относительно нравственным даже тому, кто не способен подумать о самом малом... А вот философ. Для него не существует табу, но он может стать относительно нрав-

ственным работой мозга, развитием интеллекта, приобретением мудрости, а мудрому, как заметили древние мыслители, закон не нужен, потому что у мудрого есть разум... Вот они, прекрасные монтеневские люди, которые составили очень простое уравнение перед лицом нравственной истины: полюби бога — и делай всё, что тебе вздумается. Это у них, кажется, ещё от детства человеческого завелось: удачный день жизни отмечать белым камешком, а неудачный — чёрным. По-честному! Насколько игриво-мудрыми были эти «древнеримские греки» простолюдины не задумывались, но то, что придумали этот обычай люди учёные, чуткие и участливые, не сомневались ни пушка с пушкарём, ни колокол со звонарём. Обыкновенное же дело: камешек к камешку — и вырастет белый город, и люди будут жить в нём светло, чисто и аккуратно, так что ни одна грязинка не пристанет к их помыслам и делам.

А полуобразованец откуда взялся? А вот откуда. Прогресс повелел крестьянину идти к культуре, и тот пошёл... Сорвавшись с земли, точно с поводка, он утратил связь с патриархальными устоями, но подлинной культуры

не достиг, поскольку ума не хватило даже при получении университетского диплома, оказался посередке, но эта середка представляется полуобразованцу чуть ли не пупом земли и очень его устраивает: всё могу! Вот и явился Хам как итог прогрессивного паралича нравственности.

Что ж делать прогрессистам? Образовывать крестьянина в его неизбежном движении к культуре. И в маленькой Дании это хорошо поняли. Ещё во времена Андерсена пастор Грундтвиг создал первые университеты культуры для крестьян, работавшие в зимнее время. Там слушатели приобщались к достижениям цивилизации, прогресса, науки — и становились философами.

А если этого не делать? Пример тому рядом, в соседней Германии. Странно. Две родственные нации, одна и та же система христианских ценностей, один и тот же капиталистический путь развития... Но! В Германии возобладала идея имперского величия, требовавшая объединения земель, завоевания нового жизненного пространства и, следовательно, воспитания солдат, а не крестьян-философов. И в тридцат-

тые годы там появился продукт этого воспитания: взбесившийся мелкий бюргер, белокурая бестия, способная делать всё, что ей вздумается... Тогда и полетели в огонь мудрые книги.

IV

В дальнем углу библиотеки, за ширмою стояла деревянная кровать, на которой король иногда отдыхал во время ночных бдений. Она была сделана по образцу старинных крестьянских и внешне напоминала глубокий открытый ларь, на дне — постель, там мягко думалось и сладко засыпалось, а под подушкой — Андерсен... Должно быть, счастлива страна, где короли по ночам читают сказки?

Язвительный Вольтер ещё в 1767 году восхищался Данией и её королями: везёт же этой нации! Да уж, действительно. Толковые монархи по мере сил и талантов способствовали прогрессу, а бестолковые ему не мешали... К слову сказать, Вольтер оценивал Данию периода правления короля Кристиана VII. По существу, однако, государством управлял наследный принц-регент, потому что король сошел с ума... но этого никто не заметил. Принц умно вла-

ствовал. Подданные короля продолжали работать и веселиться, пить крепкое пиво; пожилые фру вязали чулки из овечьей шерсти, юные фрекен стригли тюльпаны и строили глазки; мастера деревянной резьбы завивали стружки чёрного дуба, и появлялись на свет божий чудные алтари лютеранских соборов и форштевни парусных кораблей, густо-прегусто раскрашенные охрой и кобальтом: суровый Нептун, хитрые nereиды, улыбающиеся дельфины, морские коньки; рыбаки уходили в море на лов трески и сельди, а те, кто уже не мог по старости уйти в море, кололи угрей острогами на озёрах в дождливые дни, самые подходящие; рабочие добывали торф на болотах и везли его на телегах в город, а их обгоняли спешащие на Рыночную площадь столицы крестьянские натруженные подводы, а рынок уже гудит, рынок торгуется, но горожанин, вчерашний крестьянин, точно знает, как потратить свои кровные кроны, и никогда не потеряется в звонких и вкусных рядах, среди мешков свежей крапивы для поросят, среди корчаг с коровьим маслом, среди ивовых корзин с куриными яйцами, только-только что из-под несущки...

Кристиан X улыбнулся. Он знал историю. На то он и король, что сам есть если не вся история, то уж во всяком случае неперемнная часть её. И не знать самого себя — это из рук вон плохо, господа, — как сказал бы табуированный крестьянин или философ, образовавший до нравственных истин свой ум.

В Датском королевстве никогда не было, нет и не будет революций. Какие могут быть революции, когда — частые дожди, когда — работа и любовь, когда, наконец, — привычка ужинать не позднее 18 часов 30 минут по местному времени? Кому взбрѣдет в голову устраивать революцию с зонтиком в руках, рискуя остаться голодным, если она затянется допоздна?

А ведь ещё девочку надо проводить в сон грядущий со сказкою — про Русалочку, например, или принцессу на горошине. А мальчику надо рассказать про другого мальчика, который однажды при всеобщем оцепенении народа оказался единственным, кто сказал правду не только про голого короля, но и про народ, про взрослых мужчин и женщин, которые, в общем-то, довольно правильно ведут себя в сказках, но, увы, далеко не всегда в жизни, и

это нехорошо, этого нельзя, это даже страшно, потому что такие наполовину правильные люди непременно окажутся совершенно бессильными перед коварным врагом, куда уж до него нашему дураковатому голому королю, до того злого князя тьмы, жестокого гордеца, который в конце концов окажется, подобно королю, тоже голым и смешным, и это счастливый конец концов, но счастливым он стал только потому, что люди как в сказке, так и в жизни пошли за полной правдой и твёрдо стояли на том, что мальчик и страна, конечно, могут быть маленькими, но человеку и народу быть просто маленькими н-е-л-ь-з-я!

Вот эта сказка. Слушай, мальчик... Жил-был злой князь. Надо бы ему во тьме жить-быть, но он — вот ведь беда какая! — жил-был на свете. Огнём и мечом покорил соседние земли. И всё ему мало. Решил завоевать небо, с богом сразиться. Построил злой князь летучий корабль, запряг в него сто орлов и взлетел. Бог выслал ему навстречу ангела. Корабль бабахнул по ангелу изо всех пушек и ружей. И попала пуля в белое ангельское крыло. И одна маленькая капелька ангельской крови упала на ко-

рабль — как будто тысячепудовая глыба свинца. И корабль под такой тяжестью рухнул вниз, на лесные деревья. И принялся злой князь строить новый корабль. Семь лет строил—и построил. Но бог наслал на князя всего лишь маленький комариный рой. Махают воины мечами, но нет им спасения от укусов комаров. Злого князя плотно укутали коврами. Однако один комарик забрался под ковры и ужалил злого князя в ухо. Яд проник в мозг. И князь обезумел. Он сорвал с себя одежды и принялся голым прыгать перед толпой. А та потешалась над безумцем, который дерзнул победить бога, но сам оказался побеждённым всего лишь одним маленьким комариком...

Но однажды сказка перестаёт быть сказкой и становится былью. То есть болью. Вот комарик. Сидит, улыбается. Крошечный серенький пулемётик «Льюис» на тонких ножках. Дунешь на комарика — и нет комарика, улетучился, исчез, оставив после себя долгий ноющий, зудящий, кожей осязаемый звук...

Так в небе над городом плыли крестоносные бомбардировщики люфтваффе. За штурва-

лами сидели белокурые парни, боготворившие фюрера и рейхсмаршала Геринга.

V

Эскадрильи проплывали тяжеломерно, торжественно, в парадном порядке, с долгим ноющим, зудящим звуком. Прицелы зачехлены, бомболюки закрыты, пикирование боевым приказом не предусмотрено, вполне достаточно небесная демонстрация торжествующей мощи рейха.

...над готическими шпилями Копенгагена, этими игрушечными шпилями... они то закручиваются в бараний рог, то возносятся восклицательными знаками, то, расцветенные старой медью, ввинчиваются в высь подобием волшебной узенькой лестницы на небо;

...над наивысшей точкой суши Датского королевства — 172 метра над уровнем моря; смешно, не правда ли? неправда, потому, что метры хоть и маленькие, зато свои, других нет, и холм в окрестностях столицы высотой лишь в полтора метра датчане почтительно называют Небесной горой;

...над Вольной гаванью, пристанью у Морского госпиталя, парком Зонденмаркен, весёлыми садами Тиволи и Алеенберг, над аккуратными пакгаузами у Глиняного карьера, над озером Сортедам с мостиками Мира и Королевы Луизы, где наивные берега полощут свои косы в воде;

...над мирной столицей — и дальше, на север, в сторону Хельсингёра, легендарной родины Гамлета, принца Датского; там дремлет древний замок Эльсинор, весь в позеленевших медных кружевах, синие стёкла узких окон — как будто бы небо просматривается насквозь, через стены... тёмные, таинственные лабиринты коридоров и переходов, казематов и трапезных, залов и опочивален... страшно, не правда ли? неправда: со времени восшествия на королевский трон Кристиана X сложилась чудная традиция ежегодных представлений шекспировской трагедии именно здесь, в крепости; три года назад в этих стенах блистала достойной гениальностью английская труппа с Лоуренсом Оливье и Вивьен Ли... ах, как зрители плакали и смеялись! а в пролив Эресунн глядят дула старинных пушек, они давным давно

не стреляли, со средних веков, когда все проходившие мимо суда платили пошлину Датской короне... а пушки хороши! пушки вообще очень красивы, они могли бы являться произведениями искусства, если бы к ним не прилагались снаряды...

VI

На королевском столе календарь, вмонтированный в письменный прибор из лабрадорского гранита и карельской берёзы, обозначил раннее утро этого нового дня: 9 апреля 1940 года, вторник.

Вот — история! И года не прошло со времени подписания в Берлине германо-датского договора о ненападении, рассчитанного на десятилетний срок... И кто ж мог подумать, что германские массовые тиражи красочных открыток с приветом из Дании, отпечатанным рубленным готическим шрифтом «*Grüße aus Dänemark*», предназначены не для праздных туристов, но для солдат оккупационных войск вермахта. Умнейший и добрейший, но в столь же превосходной степени наивный министр иностранных дел доктор Мунх?

Нет, он не принимал в расчёт того, что в мире существует вероломство. Премьер-министр Стаунинг? Этот крестьянин-философ избрал масло вместо пушек. А король знал всё, что произойдет нынешним утром. Потому он и думал всю ночь не об утренних новостях, а о том, что будет в середине века.

Лет триста назад хитроумный кардинал Ришелье наверняка не случайно выдал один из секретов государственного управления: умение скрывать есть наука королей. Но король королю не указ. Короли бывают разные. А если не скрывать? Тогда надо быть точным. Ибо точность, по уверению Людовика XVIII, есть вежливость королей. Всё точное коротко, — под-черкнул француз Жозеф Жубер.

Последуем королевской этике.

В 4 часа 20 минут германский посол в Дании фон Ренте-Финк предъявил доктору Мунху ультиматум о немедленной капитуляции.

В 6 часов 30 минут правительство Дании капитулировало.

В 9 часов 00 минут датская государственная радиостанция Калундборга сообщила стране о немецкой оккупации, диктор зачитал два

текста. Первый: приказ командующего оккупационными войсками генерала фон Каупиша, в котором излагалась цель вторжения — предупредить нападение на Данию со стороны Англии. Вторым текстом было обращение к народу короля Кристиана X и правительства: это был призыв к мудрому спокойствию и выдержке. Король знал: подай он хотя бы косвенный знак к вооружённому сопротивлению — и страна крестьян-философов в течение нескольких часов будет стёрта с лица земли.

«Дальнейшее, — оказал Гамлет, — молчание». И умер... Так всегда бывает: принцы умирают, королевства остаются жить, пусть даже в тишине. Но в тишине рождаются великие мысли и поступки, в молчании зреют грозные гроздьи не столько гнева, сколько возмездия.

— Что ещё? — спросил король.

— Гвардейский полк контратаковал немецких десантников, захвативших форт Каstellет, у морского порта, — ответил премьер. — Стычки на юге Ютландии. Радио, почта, телефонно-телеграфные станции и железнодорожные узлы в руках немцев. Это конец, ваше величество...

— Никогда и никому больше не говорите этих слов, Стаунинг, — сказал король. — Нельзя так говорить и думать... Наши потери?

— Тридцать шесть убитых и раненых.

— У германцев?

— Трудно определить. Примерно, человек двадцать... На перекрёстках немецкие патрули с пулемётами. Курсирует автомобиль с репродуктором, передаёт для населения приказ Каупиша и ваше обращение...

—Что ещё?

—Комендатура только что расклеила приказ: всем евреям зарегистрироваться и носить на рукавах жёлтые шестиугольные звёзды.

VII

Старинный королевский обычай: ежедневно, в любую погоду верхом объезжать столицу. Подданные видят короля, король видит подданных — вот и не надо слов, жизнь продолжается, порядок нерушим, всё идёт своим чередом.

Король из маленькой жестяной лейки полил лимонное деревце в бочонке. Подумал: «Хорошо. Пусть каждый поливает своё дере-

во...» И через четверть часа под руку с королевой спустился к парадному подъезду дворца.

Король был стар, походка безжалостно выдавала возраст, но посадка на лошади оставалась по-прежнему безупречной, как у кадрового кавалериста.

По обеим сторонам и на корпус позади гарцевали два офицера королевского штаба. Славные ребята! Лакированные каски с плюмажами, ярко-красные мундиры с серебряными аксельбантами, цвета морской волны бриджи с белыми лампасами, сабли на боку — и пика с королевским штандартом. Ещё два гвардейца следовали за открытой коляской, в которой ехала королева.

Мимо старинной Круглой башни... По Ратушной площади...

У входа в Ратушу стояли, как обычно, два гвардейских солдата в парадной форме. Высокие меховые шапки, красные тужурки с белым перекрестьем кожаных портупей, оливковые брюки навывпуск, винтовки с примкнутыми штыками... Часовым не положено разговаривать, только — с начальником караула и разводящим, но ни тот, ни другой уже не придёт

со сменой, потому что их игрушечные штыки и сабли — совершенное ничто в сравнении со «шмайссерами» германских десантников, которые тут же, у входа, новые караульщики, в стальных касках, чистенькие мундиры отутюжены, ноги в коротких сапогах расставлены широко, на ширину плеч, для надёжного и долгого стояния.

Король подумал о стойком оловянном солдате и о маленькой бумажной танцовщице, порхнувшей в огонь. Но на фронтоне Ратуши имелись символы поточнее андерсеновских — государственный герб: центральный щит с двух сторон подпирают два бородатых голых мужика в набедренных повязках, у каждого — деревянная дубина с человеческий рост... Вот они и есть, как оказывается, вооружённые силы.

«Простите, ребята... Стойкие, но совсем не оловянные...»

В Тронном зале Ратуши король бывал не часто, лишь в особо торжественных случаях встречался с муниципальными советниками. Последний раз это было в прошлом году, 5 июля, в День конституции. А в первый раз? Уже и не вспомнить, так это было давно, когда ко-

роль был не королём, а наследным принцем. Хорошо запомнилось вот что. В начале сентября 1910 года прощальным банкетом заканчивался Международный социалистический конгресс. Забавно, что ни в одной столице мира представители пролетарского интернационала не могли бы повеселиться в официальном помещении городских властей. В Копенгагене — могли! Король Фредерик VIII был бесконечно терпим и добродушен... Делегаты толпились вокруг столов, уставленных вазочками с красными тюльпанами и тарелками с отварной картошкой, бутербродами с салом, жареной и копчёной бараньей колбасой, малосолевой селёдкой с луком, однако царицей столов являлась, конечно же, варёная треска, она издавна считается в Дании здоровой и полезной пищей, особенно в месяцы, в названии которых урчит аппетитная буква «р»... А ещё — глубокие миски с красной смородиной, год выдался ягодный, сплошные витамины С, кушайте на здоровье, господа пролетарии все стран, соединяйтесь! А пролетарии налегали на выпивку. На хрена им какая-то картошка и витамин С, когда перед ними располагался целый мир

соблазнов: Европа, Азия, Америка, Африка... Антарктида с пингвинами не в счёт, до поры, до времени... Немцы предпочитали крепкое чёрное пиво, французы — игристое бургундское, итальянцы — лёгкое кьянти, англичане — эль и виски, русские — водку. В тюльпанах гасили сигары. Вдребезги пьяный атеист из Германии Адольф Гофман увлёк за собою в Тронный зал компанию земляков, резво взбежал по ступенькам — и плюхнулся в позолоченное королевское кресло. Земляки оглушительно хохотали, аплодировали, кричали «Хох!», а Гофман орал, колотя себя в грудь: «Адольф Первый! Адольф Великий!» Еле увели хама...

Королевский кортеж двигался медленно, мимо немецких патрулей на мотоциклах с колясками; мимо пожилой фру на улочке Адельгаде, отчаянно ругавшей патрульных солдат за то, что при установке пулемёта они испачкали ружейным маслом чистенький, чуть ли не мылом вымытый тротуарчик под зеркальными окнами её, пожилой фру, мелочной лавчонки, а солдаты лениво отбрехивались, а фру наступала, и наступление закончилось тем, что один из пулемётчиков взял-таки тряпку из рук разь-

ярённой женщины и принялся под хохоток товарищей затирать безобразные пятна.

По Сенной площади, соседствующей с Газовым заводом и баржами на якорных стоянках... Здесь кортеж остановился. Король помог супруге сойти с коляски, и монархическая чета, под руку, медленно прошествовала мимо своих подданных, что небольшими группами молча дискутировали вопрос дня: «Что думаешь о положении дел?» — «Ну, что тут скажешь...» — «Вот и я так думаю. Но всё же почему морские форты не дали по немецким кораблям с десантом ни одного выстрела?»...

А король уже знал, каким образом германский пароход «Ганзенштадт Данциг», следуя за ледоколом «Штеттин», вошёл в Копенгагенский порт. С форта напротив входа в гавань дежурные караулы хотели дать предупредительный залп, но ни одна пушка не выстрелила — по старости и технической неисправности. С парохода высыпались десантники, северные ворота форта взорвали, южные ещё с вечера забыли закрыть, караулы были разоружены и заперты в подвалах, куда вскоре затолкнули начальника генерального штаба и министра внутренних

дел, арестованных на городских улицах: первый направлялся на службу пешком, второй — на велосипеде... Так промолчали пушки.

О, пушки! Любовь и гордость великих империй! В XVII веке кардинал Ришелье распорядился, чтобы на всех отливаемых во Франции артиллерийских орудиях мастера чеканили латинскую надпись «Ultima ratio regum» — «Последний довод королей». Век спустя прусский король Фридрих II последовал остроумию кардинала с маленьким, но кардинально решительным изменением: уже не «regum», а «Regis» то есть «короля». Одного! Фридрих не желал ни с кем делиться силой и славою.

А у Дании... у Дании есть масло, а пушек нет, понимаете? Пушек нет, а если есть, то не стреляют, а если стреляют, то не попадают, а если попадают, то не убивают, а если убивают, то только грусть-тоску гарнизонных бомбардиров, обслуживающих салютации весёлых государственных праздников.

Король смотрел на подданных, подданные — на короля... В их глазах не было упрёка. Они, кажется, понимали что-то очень важное, то, о чём промолчал король.

С Сенной площади кортеж свернул на Истедгаде, крайнюю улицу Западного квартала.

Бульвар — весь в разноцветных детских колясках. В детских колясках — датский лепет о будущем.

Железнодорожный вокзал...

Отель «Бристоль»...

Дворец концертов...

Улица Вестербро, где молчаливые старики сосредоточенно окуривают небеса, а вековые каштаны копаются в почве.

Вот — почва... Гамлет спрашивал у подвыпившего могильщика о сумасшедшем принце: «А на какой земле помешался он?» — «Да на какой же ещё? — отвечал могильщик. — На датской, которая под нами...» Так писалось и говорилось со сцены в трёх десятках переводов трагедии. И только совсем недавно, кажется в тот год, когда фашисты в Германии пришли к власти, русский переводчик Лозинский обнаружил истинный смысл Шекспира: «На какой почве помешался принц?» Любви? Ненависти? Ревности? Или просто — на нервной? Вот тогда и ответ могильщика о «датской почве» зазвучал по-другому...

О, эти русские! Загадочная в своём величавом страдании нация! Она заслужила право говорить о почве Земли.

Король вспомнил тётю Дагмару. Сероглазая, серноглазая датская принцесса стала венценосной супругой императора всероссийского Александра Третьего и матерью последнего императора дома Романовых Николая Второго. После шестидесяти лет жизни в России, после трагической гибели Ники и Аликс с детьми тётя Дагмара, в православии Мария Фёдоровна, нашла приют в Копенгагене, в скромном флигеле замка Видор, под попечительством своего племянника, под его попечительством, молодого короля Кристиана X. А он оказался скуп и невнимателен! И потому тётушке жилось непросто. Положение её улучшилась только тогда, когда другой племянник, английский король Георг V, по просьбе своей матери, вдовствующей королевы Александры, сестры Дагмары, назначил тётушке ежегодную пенсию в десять тысяч фунтов... На закате суетной европейской «бель эпок», осенью 1928 года, перешагнув восьмидесятилетний возраст, Мария Фёдоровна тихо

отошла в мир иной, в последний раз вздохнув на руках своей дочери Ольги... «Боже, как стыдно», — думал король, уже многие годы казнивший совестью самого себя, экономического сопляка...

Площадь Хаусер... Опера... Старая площадь с университетом...

Король смотрел на подданных, подданные — на короля и королеву, глаза в глаза, а на королевском платье — на груди, на спине, на рукавах, чтоб люди видели со всех сторон — были нашиты жёлтые шестиугольные звёзды Давида, древние звёзды, они служили даже российским староверам-раскольникам, о чём рассказывала тетя Дагмара, хорошо знавшая историю великой державы; увы, тётя Дагмара ошибалась: у староверов знаками древнего благочестия были звёзды с восемью концами, но что с того? Звёзды, по большому счёту, бесконечны...

В этот день не случилось ни одного королевского указа. Люди сами всё поняли и сделали так, как надо.

Последуем совету Жубера: всё точное коротко.

Через час-полтора шестиугольные звёзды пометили рукава всех, больших и маленьких, жителей Копенгагена, к вечеру — всей Дании, вплоть до Фарерских островов. И покуда немецкая комендатура, блокированная в кольце массы регистрирующихся, ломала голову: как обойтись с этой молчаливо вызывающей демонстрацией? — миллион жителей — и все жиды? доннер-веттер, куда мы попали? — всех датских евреев на рыбачьих лодках переправили в нейтральную Швецию.

Через два дня артист Якоб Тексьер читал со сцены сказку Андерсена «Злой князь», а утром следующего дня ему пришлось бежать из страны от внимания ээсовских искусствоведов.

В 1945 году сказку напечатали отдельным изданием в подпольной типографии на острове Фюн, в городе Оденсе. Это родина Андерсена, в котловине меж низких холмов, там всегда туман, растут сосны и вереск, там родительский дом сказочника, сына сапожника, и даже вековой давности вывеска на доме сохранилась с изображением двухголового орла, что означало: мастер шьёт только парную обувь, уж не обессудьте... В предисловии к изданию

«Злого князя» критик Свен Ларсен писал: «Удивительный рассказ, он был написан трезво и словно основан на том опыте, которому снова и снова учит нас история: никто безнаказанно не правит силой. Это сказка, которую читали и понимали в годы войны, ибо она укрепляла нас в той вере, которая была исконно нашей».

Что тут скажешь? Всё правильно, всё надёжно. На каждую веру — своя сказка. Так ведь не будет грешным делом и этак подумать: а что же есть сама вера, если не сказка, мудрая и утешительная ладонь на горячечный лоб человечества. И та, и другая — точно совпадение слова с сутью и как две капли воды похожи на третью, на тебя самого, несмышлёныша... О, эти душецелительные «капли датского короля»! Вот она, крохотуля, в пространстве дрожащая от трепетной робости перед вселенским беспределом, в непосредственной близости к двум противоравным и несовместимым стихиям... вот она, капелька в ничтожной радужной оболочке, и камень точит, и чашу переполняет, и море без неё неполное, и гигантское огненное светило отражается в той веросказательной

капельке целиком и полностью, без остатка и без зазрения своего величия. А что же остаётся людям младшего, среднего и старшего человеческого возраста? Да не пугайтесь, ибо всё остаётся людям. Но для этого они должны играть со сказкою, покуда она не улыбнётся им доверительно. И вот тогда, дорогие товарищи, вместо такого безобразия, каким является война войны с войной, непременно явится мир мира с миром.

VIII

Чем закончить нашу историю?

Можно вновь обратиться к Хансу Кристиану, который с 1843 года стал называть свои сочинения «Новыми сказками», подчёркивая при этом, что они адресованы не столько детям, сколько взрослым.

Можно деликатно приблизиться к королевскому дому, к внучке Кристиана X, нынешней королеве Маргрете II и к её супругу, французскому дворянину, большому любителю виноделия, что, впрочем, не вызывает пересудов у датчан, предпочитающих пиво: делай, что хочешь, но прежде полюби бога.

Можно, наконец, поставить точку на «пушечной теме». Через полвека после войны популярный комик Эрик Клаусен обнаружил в дальнем углу своего сада армейскую мортиру. Артист прикатил орудие на площадь к зданию парламента и резиденции премьер-министра. Мортиру почистили, покрасили, и она стала очень красивой, особенно после того, как в ствол воткнули национальный флаг.

— Пацифисты проклятые, — проворчал один офицер.

— Но согласись, — сказал другой, — шутка замечательная.

Откровенно говоря, я не знаю, чем закончить эту историю и ищу утешения в том, что история не кончается.

Вот — Дания.

Вот — христианство как данность Дании.

Вот — данность в образе бронзовой Русалочки, встречающей вас на выступе гранитной скалы у входа в Копенгагенский порт.

Остров Борнхольм, 1966

Остров Ольхон, 2001

Постскрипtum

После Герники и Хатыни, после Освенцима и Майданека, после Холокоста — сказал великий польский поэт Юлиан Тувим, любивший весёлое вино и ребяческие игры с буквами:

— Я поляк, потому что мне нравится быть поляком. Это моё личное дело, и я не обязан давать кому-либо отчёт в этом. Я не делю поляков на породистых и непородистых, я предоставляю это расистам чужестранным и отечественным. Я делю поляков на антисемитов и антифашистов, потому что антисемитизм — международный язык фашистов. Я поляк, потому что в Польше родился, вырос, учился, потому что по-польски исповедовался в тревогах первой любви. Я поляк ещё потому, что берёза и ветла мне ближе, чем пальма и кипарис, а Мицкевич и Шопен дороже, нежели Шекспир и Бетховен, дороже по причинам, которые я не могу разумно объяснить... Я слышу голоса: «Хорошо. Но если вы поляк, то почему вы пишете, что вы — еврей?» Отвечу: из-за крови. Стало быть, расизм? Нет, отнюдь не расизм. Наоборот. Бывает двоякая кровь. Та, что течёт

в жилах, и та, что течёт из жил... Кровь евреев — не «еврейская кровь» — течёт широкими ручьями, и в этом новом Иордане я принимаю крещение — горячее, мученическое братство...

И ещё сказал сантехник Володя, русский, беспартийный, вероисповедания никакого... Сказал недавно, на днях, когда мы с ним, давние знакомцы, «наступили на пробку» в его сантехническом подвале:

— Все мы братья, ага. Не только по крови, но и по другим анализам. Спорим?

Будь здоров, философ!

ТРЕУГОЛЬНИК ПОГРЕШНОСТЕЙ

ПОВЕСТЬ

ЭПИГРАФ

*Мы пришли. Мы вернулись.
Начнём с араратской оливы.*
Арье Юффа

1.

ТО, ЧТО БЫЛО

Они родились в один день одного месяца одного года.

Спартак, Гамлет и Онегин.

У Спартака и Онегина мамы были школьными учительницами. Папа Гамлета заведовал районным отделом народного образования, короче — районо.

Сельская интеллигенция. Короче некуда.

Южный Кавказ тогда назывался Закавказьем. Это был взгляд из Москвы, столицы Союза Советских Социалистических Республик.

Работница государственного учреждения под названием «Запись актов гражданского со-

стояния (ЗАГС) без вопросов вписала в свидетельствах о рождении:

Спартак Вардгесович Арзуманян,
Гамлет Паруйрович Геворкян,
Онегин Евгеньевич Григорьянц.
Итак, за горами, за долами...

2.

НАВАЖДЕНИЕ

...Семь дней и семь ночей чудовищный пожар пожирает Вечный Город.

Принцепс Нерон — тиран-тенор, поэт, актёр и пятый император Рима — стоит на балконе загородного дворца и чешется — истово и сладострастно раздирает красными ногтями незаживающие раны проклятой кожной болезни.

Он чешется. Ему больно. Но он чешется.

Корчится кормчий великой империи. Однако сладостно ему в тех корчах. И в уголках губ, где молочной пенкой пузырится, закипая, бешеная слюна, блуждают запредельно насыщенное наслаждение и гомеровские гекзаметры о пожаре Трои.

Чёрный дым с семи холмов ещё не дотянулся до балкона, но прохладный воздух, настигнутый на чутком дворцовом мраморе, уже столкнулся с первыми, волнами наступающими, жгучими потоками, две стихии сливались в противосмесительное единство, которое стало завиваться спиралью и ввинчиваться в небо, сотрясаясь дрожью, со свистом и жутким шелестом искажая пространство и, кажется, само время.

— Ах, дивно! — шепчет Нерон, раздувая ноздри, раздирая язвы.

Где-то там, вдалеке, корчатся в огне жилые кварталы, испаряются публичные бассейны, стекают с постаментов бронзовые статуи, подобно воску оплывающей свечи... Где-то там, вдалеке, за угарными кулисами вершится грандиозное действие: выгибая ящурные спины, воют акведуки, рассыпаются термы, и храмы, намертво связанные с землёй, понапрасну рвутся взлететь в небеса, к излюбленным богам, подальше, подальше от безумного огня... Рельсы железных дорог — те, что оказались самыми закалёнными, лопаются, как перетя-

нутые струны, на самой высокой, самой отчаянной ноте стального вопля, какой в природе звука никогда не бывает, и завязываются узлами, словно шнурки... а те, что закалённые не очень, закручиваются штурмующими штопорами и вонзаются в дымное никуда с угрозой раскупорить тайные дверцы в обиталище небожителей...

— Ах, славно! — шепчет принцепс Нерон и, головы не поворачивая, приказывает белокурому гражданину в шезлонге: — Пиши, Мастер, пиши! Всё записывай, ничего не пропускай!

— Чего писать-то? — пошлёпывая сандалией, спрашивает Мастер Михаил, тонкий знаток по части всяческой чертовщины. — Уже написан Вертер. Уже написаны анналы Тацита. И Светоний с Дионом Кассием к сему кошмарному чепэ приложили свои писучие ручки. От ихнего стила — к нашему стилю... Не желаешь ли послушать, принцепс?

Мастер взял микрофон, постучал пальцем по мембранной сеточке:

— Раз, два, три, сопли подотри... Четыре, пять, вышел зайчик погулять... Девятнадцатого ноября шестьдесят четвёртого года, на деся-

том году правления императора Нерона в Риме вспыхнул пожар, от города остались почерневшие стены, погибло множество людей... Вот! И ещё одна пикантная подробность: пожаром воспользовались грабители.

Нерон резко повернулся к Мастеру:

— Брешешь, собака! Не было такого!

— Да ну, неужто? — ответил Мастер, нехорошо усмехнулся и раскрыл книгу с атласной закладкой, отмечавшей страницу с апокалипсическим, звериным числом 666. — Слушай сюда, принцепс. «Были и такие, которые открыто кидали в ещё не тронутые огнём дома горящие факелы, крича, что выполняют приказ либо для того, чтобы беспрепятственно грабить, либо в самом деле послушные чужой воле». Съел?

Принцепс дёрнул кадыком, сглотив слюну:

— Я не знал... Я грабителей в лагерную пыль сотру! Ты не думай, Мишка...

— Знал, знал, — сказал Мастер и выплеснул бокал лимонада на задымившуюся сандалию. — Всё ты знал, принцепс. В народе не понапрасну витают слухи, что город подождён по твоему приказу. Говорят, что ты ещё маль-

чишкой любил играть со спичками, а когда стал императором, то упёрся в мечтания: насладиться настоящим пожарищем и на обгорелых развалинах построить свой именной город, Нерополис.

— Неправда! — воскликнул Нерон. — Ты гнусный лжец! Посмотри, у тебя земля под ногами горит!

Мастер Михаил пошевелил сандалиями и сказал печально:

— Ты не прав, принцепс. Это не земля... Это я сам сгораю от стыда. И Тацит со Светонием мне в моём пожаре не помогут.

Оживился император:

— Правильно! Не верь им, Майкл! Они в своих сочинениях столько брехни наворотили, что и в самом деле становится стыдно за всю мировую историю. Клянусь богами!

— А ты откуда знаешь, что именно они наворотили?

— Уж знаю! Мы, Мишель, такие. Мы, принцепсы, люди вечные. От истории — ни на шаг! И от принципов не отступаемся.

— Ах, не бренчи принципами! Не железные же, поди... Можно подумать, — принц чести!

— Да, принц! Выше принца. И выше принципов. А что? У нас, Миша, такой принцип: никаких принципов! Вот возьму — и помогу погорельцам! А? Хлеба дам, зрелищ, девок мясистых... Что скажешь? Может, и это уже отметил твой Тацит?

— Отметил, — сказал Мастер, закурил «беломорину», выдохнул дымное колечко, второе, третье... нанизал их на палец, одно на другое, покрутил подобием миньятюрных хула-хуповых обручей и отшвырнул прочь, а уж потом, после физической разминки, принялся читать толстую книгу: — «Щедроты принцепса не могли пресечь бесчестившую его молву, что пожар был устроен по его личному приказанию. И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощрённейшим казням тех, кто своими мерзостями навлёк на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил прокуратор Понтий Пилат ещё при втором императоре Рима Тибериусе. Подавленное на время это зловерие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме...»

— Замолчи, мастер! — не выдержал Нерон. — Ты терзаешь сердце артиста!

— Да ладно тебе... Не надорвёшься! Мы таких актёров знаем, навидались... Один меломанил, другой картинку живописал, третий стишками баловался и на деловых бумагах всё почему-то волков рисовал... И никто не надорвался. Потому что — играли. Потому что у одной и той же волчицы титьки сосали... Да и остальные не лучше, последыши, нероновичи, иосифовичи... Ты вот послушай дальше, принцепс! Сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащим к секте христиан, а затем и великое множество прочих, изобличённых не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому. Их умертвление сопровождалось чудовищными издевательствами. И хотя на христианах лежала вина, и они заслуживали самой суровой кары, всё же эти жестокости пробуждали сострадание, ибо казалось, что людей истребляют не для общественной пользы, но из-за кровожадности одного Нерона... — Мастер захлопнул книгу звучно и пыльно: — Впрочем, тут Тацит малость заблуждается...

А принцепс молчал. Принцепс расчёсывал язвы и ненавистными глазами терзал белокурого Мастера («О, если бы этот человек был натуральной язвой!»), а Мастер подымливал папироской — прямо в микрофон, с попутной речью, медлительной и тихой, но слова его низвергались, точно с грозových небес:

— Ну, и что тебе эти несчастные христиане, принцепс? Что они такого натворили за четверть века твоего принципата? Молчишь? А я тебе скажу. Я тебе, балбесу, растолкую. За четверть века христианские общины вышли за пределы Иудеи, появились в Малой Азии, в Греции, в Риме. То, что первые христиане вылупились из народных низов, было для властей явлением страшноватым и подозрительным, но ещё не настолько страшноватым и подозрительным, чтобы немедленно рубить христианам головы и кидать их в клетки на прожорливым диким зверям. Страшно другое: христиане не стали приносить жертвы статуе обожествлённого императора и римской волчице, что вменялось в священную обязанность каждому подданному империи и считалось первым признаком благонадёжности. Никаких жертв!

Христиане даже не желали присутствовать на церемониях языческих жертвоприношений! И вот это власть стала называть варварством и изуверством! Конечно, не ты первый, принцепс, объявил гонения на христиан. Но только при тебе, после организованного тобою пожара в Рейхстаге... я хотел сказать — в Риме!.. после этого пожара в Риме появился повод, чтобы объявить христиан вне закона — везде, повсюду! При тебе начнутся массовые избиения и пытки, и многие диссиденты, не успевшие скрыться в катакомбах, пойдут на плаху и на крест. И те, кто чудом останется в живых, будут искать начало чуда в откровении Иисуса Христа, которое даст ему бог-отец через полномочного посланника своего, чтобы показать рабам своим: чему же надлежит быть вскоре. Апокалипсис — имя той книге. Продержаться ещё немного, перемучиться, не отступить от веры и надежды в то, что наступит конец страданиям, и устоявшие в вере получают благодать... — вот чем будет держаться полмира, лелея в душах великую и утешительную весть Иоанна Богослова: «Блажен читающий и слушающие слова пророчества сего и соблюдаю-

щие написанное в нём; ибо время близко...»
Не страшно ли тебе, принцепс?

Нерон дышал тяжело, кусками глотая плотный, гарью горчивший воздух. Тело зудилось всё нестерпимей, невыносимей, и принцепс стал срывать с себя тонкие одежды и швырять их с балкона в волны наползающего густого смрада.

— А я? Что же я? — Нерон опустил на колени перед Мастером. — Что же будет со мною?

И сказал Мастер:

— Через четыре года здесь будет город-сад. Но ты, принцепс, уже не увидишь этого города, потому что покончишь жизнь самоубийством на этом же самом месте, где сейчас стоишь на коленях.

Нерон повалился набок, рыдая:

— Я не могу, Миша... Я ещё совсем молод! Я девку хочу...

Но Мастер уже не слушал императора. Мастер далёким взглядом смотрел на горящий город, туда, за пепельные кулисы, за которыми едва угадывались Базукские горы, они тоже похожи на серые кулисы, скрывающие в глубине маленькие домики, облицованные розовым

туфом... домики лепятся друг к дружке, на низкие облака облакачиваются, подсаживают один другого, стоя на плечах крепких соседей... замершая, окаменевшая чехарда... там галерейки свисают со стен, как потускневшие эполеты... там теплички с гвоздиками всех оттенков сиреневого цвета, да разве бывают такие гвоздики?.. там ещё и памятник Ленину, к которому каждый день приходит старик, опускается на колени и долго-долго молится постаменту, сложенному из надгробных камней со стародедовского кладбища... там тутовые и черешневые сады, и черноволосые мальчики бегут за одиноким кегельбановым шаром, подпрыгивающим на бетонных швах взлётно-посадочной полосы...

— Эй, колобок! — кричат мальчики. — Рули сюда!

— Нет, нет! Я не колобок! Я ёжик из Чернобыля!

Рассмеялись мальчики. Убежали мальчики. Не поверили ёжику. И он покраснел от стыда, побледнел от обиды, почернел от горя, вспыхнул синим пламенем — и исчез...

И склонилось над миром лицо. Большое
лицо, во всё небо.

Это был бог.

И сказал бог:

— Открывай глазки, сынок... Просыпайся...

3.

ТО, ЧТО ЕСТЬ

Спартак вздрогнул сомкнутыми веками и
ощутил на них чуждое прикосновение. И тогда
он сделал так, как девочки сдувают со лба на-
висшие чёлки.

Ф-фу!

На лицо опустилась тяжёлая пыль.

Спартак открыл глаза.

И увидел — ничего. Чернота, мрак, густое,
бесконечное, беспросветное ничего.

Можно было бы и не прозревать и оставаться
в диковинной чуши наваждений.

А они откуда вынырнули? Каким ветром на-
дуло? Из каких-таких уголков-закоулков мозга

вылезли они. В каких извилистых лабиринтах скрывались до поры, чтобы вдруг страннейшим образом соединиться и вытянуться в цепочку последовательно-правдоподобных кошмариков?

Надо, стало быть, разложить всё по порядку. Как учили на военной кафедре университета: по порядку рассчитайсь!

Спартак вдохнул поглубже и выдохнул:

— Эй, кто тут есть?

— Чего орёшь? — отозвалось.

— Это ты, Гама?

— Я.

— Непохоже.

— Как всегда... Говорим по-разному, хрипим одинаково...

— Ты как? Пришёл в себя?

— Да я и не выходил никуда...

— А я всё время... Туда-сюда, туда-сюда...

Как чувствуешь себя?

— Хэх! Чувствую? Как второй том «Мёртвых душ»...

— Не умничай, Гама! Где мы?

— Чёрт его знает...

— Что случилось?

- Не случилось, астряслось.
- И чтостряслось?
- Аэто я у тебя хотел бы узнать...

Ну да, конечно, они втроём говорили про знаменитую сцену из булгаковского романа, в которой Понтий Пилат и Иисус Христос пробовали выяснить вопрос: что есть истина?

Гамлет сказал тогда:

— Пилат и Христос истину не нашли. И не могли найти. Потому что их, спорящих, было двое. А нужен был третий. Но третьего не было.

Их было трое. Они всегда и обо всём спорили. К месту и не к месту. По поводу и без повода. В спорах двое всегда объединялись против третьего, сочетания объединений менялись. И так всегда и во всём. С детства. С тех пор, насколько помнили самих себя. А помнили они себя так: Гамлет — с соски, Спартак — с первой пушистой и тёплой ванночки, а Онегин — ещё раньше: утверждает, что с того момента, когда открыл глаза и увидел свет божьего мира.

Спартак: Онега, ты где?

Онегин: Здесь...

Спартак: Где именно здесь? Ещё в аду или уже в раю? Гама говорит, что чёрт знает...

Онегин: На всё воля божья...

Гамлет: Да ну тебя... Дело нешуточное...

Спартак: Может, война?

Гамлет: Или землетрясение. Почему нет?

Онегин: Армагеддон, ребята. Конец света. Я предупреждал.

Гамлет: Дело Мастера живёт и предупреждает...

Спартак: Уж лучше война, чем конец света.

Онегин: Вообще-то да, слава богу, что война...

Гамлет: Это конец?

Спартак: А с чего он начался, этот конец?

Онегин: Мы же спокойно шли, беседовали...

Гамлет: И, главное, никого не трогали!..

И все трое надолго замолчали. Раньше такого не было. Раньше, если один молчал, а другой устал, то третий говорил: ладно, пусть будет по-вашему; и тогда ему, этому третьему, отвечали с учтивостью: поздно спохватился, дорогой, мы уже передумали; после чего следовал

дружный согласный хохот, примиряющий всё и всех. На время.

А время расплзлось в никуда.

Какой-то колобок, бывший ёжиком...

Зачем? Откуда?

Пришлѣпнуть его хорошенько по макушке — лаваш будет.

— Хлеб — дар божий, — говорил в свете Онегин.

— Человек сотворил, — говорил в свете Спартак.

— Опреснок — тело господне, — настаивал Онегин. — А вовсе не ваш дурацкий колобок, который от дедушки ушёл и от бабушки ушёл...

— И от отца, и сына, и святого духа, — подхватывал Гамлет.

4.

ТО, ЧТО БЫЛО

О, этот лаваш, лавашик, лавашище, лавашичек!

— Смотри, мальчик, — говорил Спартаку дядюшка Паруйр. — Лаваш похож на древ-

ний пергамент с неразгаданными до сих пор письменами. Этот хлеб, сочинённый людьми, преломляли и кушали сочинители библейских легенд.

Дядюшку Паруйра уважают. Он пасёт коз, у него галоши резиновые с загнутыми носками, он погоняет стадо коротким «хей-хей!» и ведёт с людьми долгие и умные разговоры.

Всю ночь в доме томится тесто.

И покуда в тондыре занимается пылом и жаром виноградный сушняк, дядюшка Паруйр во дворе под навесом деревянной скалкой раскатывает по столу утомлённое тесто в большую тонкую лепёху. Потом начинает перебрасывать эту лепёху с левой ладони на правую да с правой на левую... и лепёха растягивается почти до прозрачности и становится похожей на слоновье ухо. Дядюшка Паруйр аккуратно натягивает это ухо на мягкую овальную подушку и с размаху шлёпает в стенку раскалённого тондыра, яма такая, вроде врытого в землю большого горшка с обожжёнными стенками.

Тесто и тондыр встречаются, ухо вмиг бронзовеет — и всё, конец страсти! Дядюшка цепляет его крючком — и лаваш выпархивает на свет, где его бережно принимает тётушка Нунэ и вешает на верёвку. Точно постирушки.

Солнце просушивает лаваш, ветерок обдувает, нежит. Лаваш сохнет неделями, лёгкий, почти невесомый, но если окропить его простой водичкой — он моментально воскресает.

Дядюшка Паруйр отрывал кусочки лаваша, крошил в глиняную чашку с кислым молоком, а в другой кусочек заворачивал сыр с тархуном или иными душистыми травками и протягивал Спартаку:

— Кушай, мальчик. Шорбулагское зерно дикорастущей пшеницы на пять тысяч лет старше пирамид Хеопса. Это великий русский учёный Вавилов сказал.

— А если я не хочу? — капризничал Спартак.

— Когда-нибудь ты вспомнишь мои слова, — улыбался дядюшка Паруйр. — Ты вспомнишь тогда, когда в доказательство своей правоты отломишь кусочек лаваша и скажешь: я говорю истину, хлеб тому свидетель.

— Ну, когда ещё это будет... — упрямылся Спартак.

— Да не так уж и долго ждать, мальчик. Твоей жизни хватит. А лаваш пахнет вечностью. И не хмурь, пожалуйста, своё лицо. Оно не сыр, в лаваш не завернёшь...

5.

НАВАЖДЕНИЕ

... и вот они идут, идут, идут друг за другом, по горной тропинке, а тропинка с каждым шагом расширяется, и вот расширилась до вольности городского проспекта... — они идут под солнцем, под оливами, под лёгким градусом молодого вина, весёлые, любвеобильные: у них в карманах университетские дипломы!

Онегин, как всегда, возвышен.

— Мы, — говорит, — соль земли, ребята!

Гамлет, как всегда, заземлён.

— Соль земли, — говорит, — обыкновенный натрий хлор.

А Спартак, как обычно, на вершок выше земли и на вершок ниже неба.

— Натрий Хлор, — говорит, — это обыкновенный римский император, а не поваренная соль. Почему нет?

— Ты в порядке, Спартак? — спрашивает Онегин.

— О, да! Необыкновенное ощущение! Такое, знаете ли... как будто позвоночник в трусы рассыпался. Да! Лёгкость необыкновенная!

По обочинам проспекта кипарисы выстроились. Деревья смерти. Похожие на кегли.

И дорога как кегельбан.

Вдали, из-за горизонта, вылезает луна, выкатывается на проспект и движется навстречу.

Катится, как колобок, бывший ёжиком.

На пути своём сбивает кипарисы, одного за другим.

А в светофорах на перекрёстках горит только ослепительно жёлтый цвет.

А луна тем временем помутилась, побледнела, покраснела, почернела, вспыхнула синим пламенем — и взорвалась.

И стал вырастать на этом месте гриб атомного взрыва.

«Вспышка слева!» — кричит Онегин.

«Вспышка справа!» — кричит Гамлет.

«Товарищи бойцы! — кричит полковник военной кафедры университета. — Будьте внимательны! Вспышка прямо!»

И склонилось над миром лицо. Огромное. Во всё небо.

И сказало лицо:

— Ты не ушибся, сынок?

6.

ТО, ЧТО ЕСТЬ

— Онега! Слышишь меня?

— Слышу... Плохо... Это ты, Спартак?

— Я...

— Говори громче...

— Громче не могу...

— Что ты хотел сказать?

— Мне бог привиделся...

— Нормально... И что дальше?

— У него был мамин голос...

— Мамы богами не бывают... Мамы бывают богородицами...

— А тебе кто-нибудь видится?

— Ты будешь смеяться... Товарищ полковник Саакян видится...

— Ни фиги себе! Шутишь?

— Точно он... Добрый... Толстый... Весит целый литр*... Литр в фуражке и в сапогах...

7.

ТО, ЧТО БЫЛО

— Товарищи бойцы, — говорил полковник Саакян, — я вас очень прошу, будьте внимательны и даже щепетильны. Потому что оружие массового поражения не терпит разгильдяйства во всех проявлениях: в твёрдом, в жидком и газообразном.

Соломон Согомонович Саакян. Кличка — Дед. Другая кличка — Самогон Самогонович. Начальник военной кафедры университета, он же читал студентам курс «Оружие массового поражения и защита от него».

Саакян действительно большой. Он такой большой, что, как он полагал, ему практически негде укрыться от оружия массового поражения. Все три поражающих фактора ядерного взрыва — ударная волна, тепловое излучение

* Литр — старинная армянская мера веса, равная 9 пудам.

и проникающая радиация — везде его достанут. Он, по сути дела, заложник ОМП. Но куда его не доставали, он учит студентов тому, как уберечься и при этом сохранить жизнь, достоинство и полную боеготовность.

Щёголь. В отличие от других офицеров кафедры, носивших брюки навыпуск, он ходил в форме для строя — галифе, сапоги, портупья, которые шил у лучшего мастера по спецзаказу. Ибо ни один стандартный ремень, ни одна пара сапог не подходили Саакяну, оказывались маломерками. Больше того, на вещевых складах всего Министерства обороны СССР не имелось такого комплекта радиационной и химической защиты, который пришёлся бы впору полковнику Саакяну, а мастеров для изготовления таких резино-технических изделий не было не только в Армении, но и во всём Советском Союзе. Вот поэтому-то товарищ полковник Саакян и говорил о себе: заложник.

Он любил петь. Непременно участвовал в художественной самодеятельности университета и солировал в сводном хоре преподавателей. Кое-кто подшучивал, что если снять с Саакяна погоны, сапоги и портупью, то по-

лучится вылитый Шарль Азнавур. Саакян не обижался.

Он был ко всему прочему ещё и большим любителем, строгим ценителем и тонким знатоком алкоголя.

— Наш Дед, — замечал Гамлет, — в некотором смысле тоже человек и ничто нечеловеческое ему не нужно.

Это была неприличная шутка.

Над Дедом подшучивали немилосердно.

Да и ко всему предмету ОМП никто из студентов всерьёз не относился, несмотря на то, что товарищ полковник старался напугать бойцов какой-нибудь страшилкой.

— Это сущий кошмар, придуманный на земле, — говорил он. — Но если знать, как защититься от этого кошмара, тогда и не будет ссыкотно.

— А нам и сейчас не ссыкотно, — говорил Гамлет. — Даже наоборот.

Дед задумывался. И отвечал:

— Это как, товарищ боец Геворкян? Как оно может быть наоборот? Непонятно выражаетесь. У военнослужащих Вооружённых Сил так не положено.

— Я хотел сказать, товарищ полковник, — отвечал Гамлет, — что жизнь вообще бессмертна.

— Опять бредни говорите! Вот шарахнет бомба или, к примеру, лично споткнётесь головой об камень — и всё, жизнь прекратилась.

— А можно я скажу? — подсакивал Спартак.

— Говорите. Только по теме ОМП, без нюансов.

— Так точно. По теме. На других кафедрах нам другое говорят.

— Например?

— Например, пока я жив — я не встречу со смертью. А когда смерть придёт — так меня уже не будет. И поэтому встреча со смертью вообще никогда не состоится. То есть, существуют вещи и явления, которые друг с другом никогда не встречаются.

— Хорошо, — говорил полковник. — Я вам сейчас без марксистско-ленинской философии, политэкономии и научного коммунизма буквально на пальцах объясню всё наоборот. Возьмём, например, меня...

— Вас не надо брать, товарищ полковник... Зачем вы мне?

— Я для наглядности говорю. Вот я. Вот мои сапоги. Вот банка с гуталином. Сапожная щётка. Бархоточка или суконочка. Встреча состоится?

— Так точно!

— В результате — сапог как зеркало! Смотришь в него и брейся. Есть встреча?

— Сапог с полковником — так точно, да. Жизнь со смертью — увы, нет.

— И это вам говорят на других кафедрах? — говорил Дед и подытоживал: — Противоречие социализма.

8.

НАВАЖДЕНИЕ

Сапоги!

Сияющие. Голенища «бутылочками»...

Они маршируют сами по себе — по плацу, размеченному белыми линиями, квадратами и светофорами с одним горящим светом — жёлтым.

Сапоги образцово демонстрируют приёмы строевой подготовки: подход к начальнику и отход от него... шаг на месте... на месте стой!..

повороты налево — направо... кругом... и парадный «гусиный шаг» мавзолейного церемониала...

А в промежутках между строевыми приёмами сапоги выкаблучивают танцевально-плясовые фигуры и па: чечётка да мазурка, барыня вприсядку, вальсок и лезгинка, какие-то гопаки и полечки...

9.

ТО, ЧТО ЕСТЬ

— Гама!

— Что?

— А хороший всё-таки мужик, наш Самогон?

— Хороший... Изобильный...

— Зря ты его обидел...

— Когда?

— Перед дипломом... На последних сборах...

— Зря... Каюсь...

— Вот... Ты раскаиваешься... А Самогон об этом уже не узнает...

10.
ТО, ЧТО БЫЛО

На последних военных сборах перед окончанием университета в перерыве между занятиями по радиационной разведке Спартак и Гамлет уселись бок о бок в курилке: четыре лавки квадратом, а в квадрате — жестяная бочка из-под ГСМ, врытая в землю.

— Какого чёрта! — возмущался Гамлет. — Зачем нам это всё?

— Самогон же объяснил. Ты что, не понял? Мы готовимся. Против нас уже точат зубы новоявленные фюреры типа Шекельгрубера! И если нас застигнут врасплох, то жить мы будем плохо. Плохо, но недолго...

Хохочут бойцы, заливаются.

— По правде говоря, — сказал Спартак, — мне жалко Самогона.

— А мне не очень.

— Что так?

— Он сам себе свою жизнь сочинил. Пусть в мою не лезет.

— С одной стороны, ты прав, — сказал Спартак. — А с другой...

— С другой, — перебил Гамлет, — скажи мне по секрету: чем полковник отличается от осла?

— И чем же? — спросил полковник Саакян, неслышно возникший за спинами бойцов.

Парни вскочили и вытянулись по стойке смирно.

— Сидите, товарищи бойцы, — сказал полковник. — Так чем же, интересно?

— Ничем, товарищ полковник!

— Вот так! И в дальнейшем не распускайте свой язык! Причём — оба. А особенно вы, товарищ Геворкян.

— А что я, товарищ полковник? Чуть что, так сразу Геворкян, Геворкян... А я, может быть, самый всегда готовый к защите Отечества. Дадут приказ — и вот я уже тут, весь в сапогах. Как лично вы учили: приказ начальника — закон для подчинённого. А мы люди подневольные...

Саакян недовольно pokrutil головой.

— Опять заблуждаетесь. При чём тут воля и неволя? Это долг. Понимаете разницу?

— Так точно!

— А насчёт того, чем отличается... Ничем, говорите? Это ошибка...

11. НАВАЖДЕНИЕ

Празднично убранная сцена.

На заднике — портрет В.И. Ленина (анфас) и транспарант «Да здравствует 70-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!».

Идёт концерт лучших в республике коллективов художественной самодеятельности, завершающий торжественное заседание, посвящённое знаменательной дате.

На сцене выстроился хор преподавателей и сотрудников военной кафедры университета, неоднократный лауреат всевозможных смотров и конкурсов.

Все хористы, за исключением солиста полковника Саакяна, одеты в прорезиненные комплекты противохимической защиты и в противогазах. В руках покачиваются бокалы с вином.

Полковник Саакян стоит у микрофона в полной парадной форме для строя.

Он поёт... Он поёт не какую-нибудь песенную скороспелку, которые во множестве сочиняются к юбилеям! Он поёт классику! Он поёт Людвига ван Бетховена! «Шотландская застольная» — его коронный номер, традиционно завершающий подобного рода мероприятия всех масштабов: государственного, республиканского, городского...

Постой! Выпьем, ей-богу, ещё!
Бетси, нам грогу стакан
Последний в дорогу! Бездельник,
Кто с нами не пьёт!

Налей полней стаканы!
Кто врёт, что мы, брат, пьяны?
Мы веселы просто, ей-богу!
Ну, кто так бессовестно врёт?

Хор сопровождает солиста слаженным неммым подтумкиванием на губах и ритмичным звоном бокалов:

— Тум-пам-па... тум-пам-па...

Ей-ей, здорово пьётся!
К чертям всё, что не льётся!
Кто там над нами смеётся?
Сосед, наливай, твой черёд!

В первых рядах — самые уважаемые люди. Они в такт песне раскачиваются, подпевают, подхлопывают, пристукивают ладонями по груди, по коленям... А один ветеран, весь в орденах и медалях, не выдерживает-таки напора солидарного восторга, вышаривает из внутреннего кармана генеральского мундира плоскую фляжку и присасывается к ней...

В. И. Ленин на портрете тоже реагирует: морщится, хмурится, вращает глазами, причмокивает, облизывается, показывает язык, плюётся, фыркает, улыбается с хитринкой, лукавинкой, прищуринкой и изюминкой...

Легко на сердце стало!
Забот — как ни бывало!
За друга готов я хоть в воду!
Да жаль, что вода в рот не идёт!

К авансцене несут цветы!

Крики «бис!»

В первом ряду ветеран, любитель Людвига ван Бетховена с фляжкой, встаёт, аплодирует и в полный голос мелодекламирует:

— Выпьем и снова нальём!

Полковник Саакян, продолжая раскланиваться, указательным пальцем покачивает и поправляет ветерана:

— Это уже из другой оперы, уважаемый!

12.

ТО, ЧТО ЕСТЬ

— Онега!..

— Это ты, Гама?

— Я...

— Зачем зовёшь?

— Спросить хочу...

— Спрашивай...

— Ты говорил: у тебя помимо физических сил есть ещё и духовная... До сих пор есть?

— Надеюсь...

— Говорить можешь?

— Потихоньку...

— У меня вопрос есть по твоей части...

— Давай вопрос... Только спор не затевай... На спор у меня времени нет...

— Ладно... Будет ядерный апокалипсис?

— Апокалипсис уже был...

— А люди не заметили?

— Заметили... Только не очень поняли...

Апокалипсис — это не конец света, как ты думаешь... Самым точным переводом с греческого это слово означает русское: откровение... Поэтому Апокалипсис — это или знание о будущем, открытое богом, или же просто название одной из книг Нового Завета. Двадцать седьмая по счёту...

— Не читал...

— Зато Дарвина назубок шпаришь...

— Ладно, не заострай... Дальше-то что в том Апокалипсисе?

— А дальше очень просто и светло... Мир никогда не прекратит своего существования, но перейдёт в качественно иное бытие... Это будет преображение мира...

— В какую сторону, Онега? Бог с препятствиями по пересечённой местности?

— Не поминай бога всеу... Ответь, если не забыл университетских профессоров: что является основной константой теперешнего состояния мира?

— Непрерывный поток времени.

— Кончится ваш поток времени после преобразования мира... Остановится... И наступит вечность... И жизнь в вечности — радостная для праведников и мученическая для грешников...

— И когда же придёт такое время, когда оно само себя уничтожит?

— Время себя не уничтожает... Его уничтожают антихристы, носители зла, тираны во временной жизни... Земные тираны приближают окончание времён... В научном коммунизме об этом не говорится...

— Слушай, Онега, а правду говорят в народе, что в Апокалипсисе предсказана трагедия на Чернобыльской электростанции?

— Там есть такие слова: «Третий Ангел востребуил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звез-

де — полынь»... В греческой первоисточнике стоит слово «апсинтос»... На латынь переведено как «артемизия»... Это родовое название полыни... Загляни в любой словарь и узнаешь: чернобыль — это крупный вид «Артемизия вульгарис»...

— Понятно... Осталось только словари полистать, когда выберемся отсюда... А ты чего хрипишь?

— Это я смеюсь...

— Над кем?

— Над собой... над тобой... над нашей наукой... над источниками вод...

— Пить очень хочется, Онега...

— Выпить и закусить...

— Вот именно...

13.

ТО, ЧТО БЫЛО

Это было на последнем университетском курсе, на последних полевых сборах военной кафедры.

Студенты, без пяти минут лейтенанты запаса, уже почувляли некоторую вольность в обращении с офицерами-преподавателями, а те в свою очередь не особенно возражали: офицерское братство располагало к большей раскованности и доверительности в общении. Звёздочки на погонах, как большие, так и маленькие, являлись знаками особой сословной принадлежности.

— А что, товарищ полковник, — спросил Гамлет Саакяна, — неужели вы всерьёз думаете, что будет ядерная война?

Саакян не сразу нашёл ответ на такой раскованный вопрос, помедлил и сказал:

— Откровенно говоря между нами, офицерами, я не то, чтобы думаю... Думают в Генштабе крупные генералы. А я пока что полковник...

— Лампасы не светят?

— Увы. Пенсия на носу.

— А правда, — продолжал допытываться Гамлет, — что у вас в правом голенище запрятана фляжка с водкой?

— Кто это вам сказал?

— Да вот... люди говорят... предыдущие...

— Врут! Не с водкой, а с коньяком «Арарат», пять звёздочек.

— Здорово! У русского императора Александра Третьего тоже так было. Вы — второй в истории.

— Да? Не знал, что второй. А что в сапоге — так это просто военная хитрость. Зато во рту... Во рту, товарищи бойцы, коньяк встречается с душой человека. Это главное. Потому что без души суарэ уже не суарэ, а обыкновенная пьянка...

— Товарищ полковник, — перебил Саакяна Онегин, — говорите помедленней, я не успеваю записывать... Суарэ без души... что?

— Пьянка, товарищ Григорьянц. Банальное и пошлое дело, недостойное офицерского звания. Короче говоря, вся суть вопроса в науке и практике. Практика без науки — пустое дело, а также и наоборот. Вот вы, наверняка, вино и коньяк более-менее пить умеете. А — водку и спирт?

— Ну, мы ж пока что только лейтенанты без пяти минут...

— Вот именно, что пока. На каждом очередном этапе роста у человека должен быть учитель. У меня, например, был мой старший друг, товарищ и брат, а также коллега по военной профессии. Микита Абдулкаримович Вознесенский. Гремучая смесь из Киева, товарищи! Как вспомню — так вздрогну! Тоже был полковник... Десять лет назад помер...

— От водки?

— От любви. Но это, а также горилка с перцем, к нашему вопросу не относится. Начнём с водки...

— Начнём! — подскочил Спартак.

— Я говорю не вопросительно и вас не спрашиваю, товарищ Арзуманян. Я говорю утвердительно. Химическая формула нашего интереса хорошо известна из трудов русского учёного Менделеева. Как с этой формулой обращаться в стационарных условиях? Я сейчас вкратце доложу. А в полевых условиях — это уже отдельная тема...

Полковник вдохнул-выдохнул, весь подобрался, сосредоточился, словно собирался какую-то очень ответственную арию исполнять.

И начал на полтона ниже обычного голоса:

— Водка должна быть хорошей. Не какая-нибудь косорыловка для людей с низким порогом самосохранения и чувства собственного достоинства. Это — первое. Второе: перед употреблением водку охлаждают до десяти-пятнадцати градусов, но не в морозильнике, как это делают профаны. Замораживают рюмки...

— Сколько рюмок? — спросил Онегин. — Две, три...

— Можно четыре. Или пять. Это зависит от силы воли и крепости духа, а также от компании. Идеальная — трое. А я говорю про одного. Так сказать, соло. Итак, несколько перемен рюмочек или стопочек дозревают до нужного минуса в морозильнике холодильника. А мы варим в кастрюльке картошечку, обязательно в чуть подсолённой водичке. Пока картошечка варится — готовим селёдочку, жирненькую, бочковогопряного посола. Ножичком режем, косточки убираем и укладываем кусочки в виде целой рыбки в селёдочницу...

— Это какая посуда? — спросил Онегин.

— Удлиненно-овальная тарелочка с бортиками высотой шесть-девять миллиметров.

— Можно написать десять для ровного счёта?

— Опыт человечества говорит: можно, но не нужно. Рыбка должна быть обозреваемой со всех сторон, не исключая дна, и всем своим внешним видом должна вызывать не только аппетит, но и уважение. Поэтому и придумано такое блюдо, как селёдочница. С бортиком до девяти миллиметров. А десять и выше — это уже корыто. Селёдочке в корыте неинтересно.

— Да ей-то какая разница? — вмешался Спартак.

— Какая у вас наивность? Запомните: между селёдочкой и человеком при посредничестве водочки должна возникнуть двухсторонняя связь. Прямая и обратная. Человек желает скушать селёдочку. Селёдочка желает быть скушанной человеком. Водочка при этом вдохновляет, помогает и способствует. Ещё есть вопросы?

— Нет вопросов! — сказал Спартак.

— Идём дальше. Поверх селёдочки выкладываем — в художественном виде! — колечки репчатого лука и поливаем подсолнечным маслом. Ни в коем случае — не рафинированным!

Подчёркиваю: чистым постным! В художественном виде! Как будто перед вами натюрморт голландских художников прошлых веков. Кстати, рекомендую познакомиться. Классическое изобразительное искусство старых мастеров голландской школы на этом этапе суарэ — великое подспорье, стимулятор хорошего, изысканного вкуса.

— Рембрандт годится?

— Рембрандт — мастер по другой части, по мясистой. Но в целом пойдёт... Следующий этап: в отдельной мисочке солёные грибочки. Могут быть груздочки, опятки, лисички или рыжички. Лично я уважаю рыжички. Ну, и конечно, солёные огурчики. Подчёркиваю: солёные, а не маринованные. И непременно бочкового посола. Зеленушка — в отдельную чашечку среднего размера. Укропчик, петрушечка, сельдерейчик, лучок-порей... Меленько покрошить и перемешать. Сметанка в миске — отдельно.

— А чего другое? — спросил Гамлет.

— Другое чего не возбраняется. Подаётся только после третьей рюмки. И курить хороший табак — тоже после третьей рюмки.

— И когда пить начинаем?

— Уже можно. Кладём картошечку на тарелочку. Вилочкой надминаем...

— Надминаем? Чтобы пюре?

— Ни в коем случае чтобы пюре! Только над-ми-на-ем! Чтобы в ту вмятинку положить сметанку и ыпосыпать щепоточкой зелунушки. Достаем из холодильника ледяные рюмочки и бутылочку водочки...

— И? — восклицает Спартак.

— Производим налитие...

— И? — восклицают Спартак и Гамлет.

— Произносим тост...

— И? — восклицают Спартак, Гамлет и Онегин.

— Подносим рюмочку ко рту...

— И? — орёт вся аудитория.

— Выпиваем. Только не орите, как ишаки. Мы совершаем нежный физический и метафизический процесс. Ставим на стол рюмочку. Берём вилочку. Накалываем на зубчики ломтик селёдки с лучком и постным маслицем. И начинаем этот натюрморт медленно жевать...

— Медленно?

— Медленно. Вкушать, а не жрать. С рассуждением, со смыслом. Жевать — и думать, что водочка и селёdochка должны были бы по идее родиться в одно время и в одном месте... И, может быть, селёdochка должна была бы по идее плавать в водочке, а не в каком-то Атлантическом океане... Процесс пошёл! Машинально отламываем кусочек картошечки с зеленушечкой — и в рот! Туда же — кусочек чёрного пахучего хлебца с тмином... Жевать — и думать о мудрости мироздания. Потом можно проглотить. И вот тогда-то водочка и встретится с вашей душой. Вопреки невежеству некоторых товарищей, отрицающих истину встреч.

— А после встречи? — спросил Спартак.

— Дальше — проще, товарищи. Можно — огурчик, грибочек... В общем, к чему рука потянется... Вот так! В результате мы имеем на практике опыт и традиции поколений. И запомните, как отчечаш, мне этот урок преподавал светлой памяти человек, я — вам, завтрашним офицерам, а уж вы несите по жизни этот опыт с честью и достоинством и передайте дальше

детям, внукам и правнукам. И тем живы будем и всех врагов победим.

В лагерном репродукторе раздался мощный полувознок-полусирена.

— Ну, вот и всё на сегодня, — сказал полковник Саакян. — Занятие закончено. Следующая лекция по ОМП — по расписанию...

14.

НАВАЖДЕНИЕ

Полковник Саакян в полевом лагере проводит практические занятия и личным примером показывает студентам: как правильно надевать комплект химзащиты.

Вот он наполовину влез в него — ногами и нижней частью туловища. А дальше — никак! Мал комплект по размерам! Но остаётся ещё какая-то надежда: резиновый всё-таки...

Полковник подзывает Гамлета.

— Дыхните на меня, товарищ боец!

— Не понял, товарищ полковник! — отвечает Гамлет. — Вам что, воздуху без меня не хватает? Вы же, извините за выражение, не гаишник...

Полковник сердится.

— Я приказываю! Приказ начальника — закон для подчинённого. Дышите. Да поглубже!

Гамлет начинает вдыхать и выдыхать воздух на начальника. Гамлет очень старается! И комплект — мало-помалу начинает раздуваться.

Полковник с трудом, но всё-таки полностью влезает в средство химзащиты и, прежде чем надеть противогаз, обращается уже ко всем бойцам, стоящим вокруг него:

— Всем дышать!

И все дуют. Как в камеру футбольного мяча, если нет под рукой насоса. Или — в трубку пульмонолога на военкоматовской медкомиссии... Надувают щёки, стараются, понимают: оружие массового поражения — дело нешуточное.

Комплект химзащиты, в котором скрылся полковник, медленно раздувается, покуда не превращается в большой воздушный шар.

Шару положено летать. Он тоже хочет, но ещё не может. То ли земля не отпускает, то ли небо не принимает...

Наконец, он отрывается от земли, покачивается, постепенно набирает скорость подъёма и устремляется вверх.

Бойцы, задрав головы и продолжая усердно дуть вослед улетающему шару, наблюдают его полёт, переживают, машут руками, глубоко вздыхают, шумно выдыхают, ритмически, подобно морскому прибою.

Шар исчезает из поля зрения.

И тут же раздаётся торжественный голос лагерного репродуктора:

— Полковник Саакян успешно вышел на околоземную орбиту!

Бойцы кричат «ура!».

Аплодисменты переходят в овацию.

Овация переходит в упорядоченный все-ленский метроном.

Метроном тикает.

15.

ТО, ЧТО ЕСТЬ

— Ребята, я уже дышать не могу, — говорит Онегин.

— Что с тобой? — спрашивает Гамлет.

— Грудь чем-то придавило... Не могу понять... Вроде как лежу вверх тормашками... Одна рука только шевелится... И плесенью сильно пахнет...

— Это не плесень, Онега... Это витамины цэ вылезли...

— А почему они ползают?

— Это ты у них спроси...

— А ты лежишь или как?

— Вроде как сижусь... Скрюченный... И тоже придавленный...

— А ты, Спартак?

— Не знаю... Зажатый... И ещё это... Как будто кто-то на меня всё время смотрит... Чувствую... Что делать?

— Ты спроси у него: кто виноват и кто за это ответит?

— За что за это?

— За то, что стряслось...

— Природа, — говорит Гамлет.

— Человек, — говорит Спартак.

— Один бог знает, — говорит Онегин.

— По-Дарвину, по-Дарвину! — настаивает Гамлет.

— Причём здесь Дарвин? Это не Дарвин... это ты сказал: пропади оно всё пропадом... И сплюнул!

— Когда?

— Когда про истину говорили... Про Понтия и Христа...

— Я не так сказал... Я сказал: провалиться мне на этом месте, если я не прав... И ещё я не плевал, это ты врёшь, Онега... Мы же, бляха-муха, культурные люди... Я просто шлёпнул ногой и растёр... Айн, цвай, драй!

— Вот ты и накаркал...

— Ребята, а давайте... знаете что?

— Что?

— Давайте вместе помолимся?

— Кому?

— Всему...

— Белому свету...

— Синему ничто...

— Чёрному ничто...

— ВЛКСМ...

— ВЦСПС...

— КПСС...

— Господи, призови все силы небесные и земные...

— Особенно земные... Пожалуйста, сделай такую божескую милость... Что тебе стоит?

— Спаси и сохрани нас в этом крошечном мраке... и разверзни тьму... и открой нам свет...

— В конце концов, разберись, господи: что тут такое стряслось?.. Вообще... На планете... В глобальном масштабе... Планета наша называется Земля... Крутится в Солнечной системе... Маленькая, голубая... Космонавты лично видели и на кинокамеру засняли... Землю видели, а бога не видели...

— Гама!

— Что?

— Ты опять всё напутал... Ты говорил: провалиться мне на этом месте — не тогда, когда про истину говорили, а когда мы ещё в блиндаже сидели...

— Какая разница?

— Большая разница... Тогда как раз генералы в блиндаж завалились...

16. ТО, ЧТО БЫЛО

Блиндаж на полигоне в районе Белого Города.

Вокруг небольшого очага на бетонном полу расположились Спартак, Гамлет и Онегин. Греют руки. Декабрь...

В углу — деревянные нары с аккуратно разложенными спальными мешками армейского образца.

Офицеры запаса на внеочередных военных сборах. Одеты в солдатское зимнее обмундирование, шинели с поднятыми воротниками, гражданские мохеровые шарфы, шапки-ушанки. Из офицерского у них — только погоны со звёздочками. Таких в кадровой армии называют «партизанами». Один их нелепый вид чего стоит. Но другим видом их не обеспечивают. Конечно, обидно. Но протестовать бессмысленно.

На шее Спартака — миниатюрный транзисторный радиоприёмник «Меридиан» в кожаном чехле. Спартак крутит колёсико на-

стройки, ворчит из-за того, что батарейка садится.

Гамлет и Онегин оживлённо разговаривают, продолжают начатую тему.

— И долго ждать? — спросил Онегин.

— Слушайте, запоминайте и передайте следующему после вас поколению ротозеев, — ответил Гамлет. — И не говорите, что я вас не предупреждал. Через пять миллиардов лет...

— Пять миллиардов?

— Ровно пять.

— Ну, это ещё ничего. Терпимо. А я думал, что через пятьдесят.

— Не перебивай. Через пять миллиардов лет Солнце истратит в термоядерных реакциях такое количество водорода, что превратится в звезду типа красного гиганта. Его диаметр увеличится примерно в двести пятьдесят раз. Меркурий, Венера и, возможно, Земля попадут вовнутрь Солнца, плотность которого уменьшится до одной десятой плотности воздуха.

— И?

— По мере того, как будет выгорать ядерное топливо — водород, гелий и более тяжёлые элементы — Солнце перестанет расширять-

ся и наступит стадия сжатия. Оно уменьшится до одной сотой теперешней величины, то есть Солнце сравняется размерами с Землёй и превратится в белый карлик. Сжатие тогда остановится. Внутри будет мощнейшее давление и чудовищная плотность. Принцип исключения Паули: два электрона не могут занимать одно и то же энергетическое пространство. Что дальше? Белый карлик станет постепенно охлаждаться до своего конечного состояния — мёртвого чёрного карлика. Всё. Вот и весь апокалипсис, Онега. Как в аптеке.

— Скучно, — сказал Онегин. — И ты в это веришь?

— Верю. Трижды верю. Да провалиться мне на этом месте, если я неправ! — ответил Гамлет и топнул ногой.

И в это время со скрипом и противным скрежетом открылась блиндажная дверь.

Сначала вошёл полковник в полевой форме. Осмотрел помещение, будто бы даже обнюхал. Под нары заглянул... За ним вошли маршал с группой генералов и людей в штатском.

Троица подскочила и вытянулась по стойке «смирно».

— Вот отсюда и весь дым на весь полигон, — доложил полковник маршалу. — Демаскировка.

Маршал подошёл к замершему строю.

— Лейтенант запаса Арзуманян, — представился Спартак и отдал честь.

— Лейтенант запаса Геворкян, — представился Гамлет и шлёпнул ногой, точно британский королевский гвардеец.

— Лейтенант запаса Григорьянц, — представился Онегин и чуть было не перекрестился, но вовремя опомнился.

Маршал хмыкнул.

— Дымим, значит?

— Никак нет, товарищ маршал, — ответил Спартак. — Не курим и не пьём.

— А это что? — маршал кивнул на очажок.

— Для согрева... Для поддержания боеготовности!

Маршал снова хмыкнул и не оборачиваясь задал вопрос кому-то из свиты:

— Откуда здесь эти партизаны?

Но вместо генералов ответил тот же Спартак:

— Нас сюда привезли и посадили. По военно-учётной специальности... Извините, товарищ маршал, у нас тут присесть негде...

— Кто вас привёз и посадил?

— А можно я скажу? — поднял руку, точно школьник на уроке, Гамлет.

— Скажи.

— История вопроса такая, товарищ маршал! — Гамлет набрал в лёгкие побольше воздуха для обстоятельного доклада. — В этом году мы закончили университет по специальности геофизика. На военной кафедре получили офицерские звания и подумали, что приступим к нормальной геофизической жизни, будем работать на благо родины. Но тут — хоп! — через полгода повестки из военкомата: явиться на военные сборы в Белый Город. Прибыли аккуратно в военкомат. Там нам выдали командировочные предписания в воинскую часть. Мы прибыли в воинскую часть...

— Короче, — сказал маршал.

— Короче некуда! В воинской части не стали с нами долго разговаривать, выдали сухой паёк на два дня, посадили в грузовик, привез-

ли сюда и сказали: будете дозиметристами. Мы спросили: а где приборы, средства связи и так далее? Нам сказали: подбросят...

— Короче! — нахмурился маршал.

— До сих пор подбрасывают. А мы уже почти неделю здесь сидим и ждём. Без никакого технического обеспечения... Кроме транзистора «Меридиан РП-401». Да и тот нештатный. Во-вторых, холодно. Дров нет. Разные веточки собираем... Один раз даже надели комплекты химзащиты с противогазами. Бесполезно. Не греют...

— Не греют? — спросил маршал.

— Не греют. А у вас, товарищ маршал, батареей для транзистора можно разжиться? Можно даже две, если не жалко. Про запас.

— Чего там слушать-то? — снова спросил маршал.

— Ну, как же! Мы же всё-таки советские люди... Или не люди? Интересно же, как дела идут в нашей стране и за рубежом... А то сидим тут, как Робинзоны Крузо...

— А буквально под носом всякие события происходят, — перебил Гамлета Спартак.

— Какие события? — подскочил к нему полковник. — Конкретно?

— Да мы тут сбегали в город...

— Кто бегал?

— Можно я скажу конкретно? — поднял руку Гамлет.

— Валяй, — сказал маршал и жестом приказал полковнику не вмешиваться.

— Я бегал. На третий день, когда кончились продукты питания. А также произвести рекогносцировку.

— В самоволку, значит, бегал?

— Почему в самоволку? Не могли же мы добровольно помереть от голода и не выполнить боевую задачу! Втроём обсудили: кто пойдёт? Выпало мне. И я пошёл. Иду, иду...

— Короче, — сказал маршал.

— Не перебивайте, пожалуйста, товарищ маршал, а то я нить потеряю. Иду, значит. Навстречу никого. Один только старый чабан отару овец перегонял. Вечером сели с ним у костра. Он меня консервами «Завтрак туриста» накормил. Не ешьте этот завтрак, товарищ маршал, это самоубийство. Короче, завтрак несъедобный. Но я съел и банку облизал. Чабан

говорит: «У нас в районе залежи урана обнаружили, скоро начнём добывать и будем самыми сильными в мире. Уже шахты копают. Технику навезли...». Я спрашиваю: «Откуда такие новости?». Он говорит: «Все об этом знают, каждая овца. А разговоры идут ещё с лета, когда сюда приезжал маршал из Москвы со свитой». Я сказал: «Это полная неправда. Если бы это было правдой, то это было бы военной и государственной тайной». А он говорит: «Какая тайна, сынок? Какая правда? О чём ты говоришь? У нас правду только на заборах пишут»...

Генералы закашляли, маршал усмехнулся, и когда он усмехнулся, то стал похож не на маршала, а на дедушку-чабана, и у этого дедушки были чистые детские глаза, а в глазах чёртики прыгали на одной ножке, приплясывали : «На горе Арарат растёт крупный виноград...» И ещё: и чабан, и маршал знали что-то такое, чего не знали другие. Может, это показалось лейтенантам запаса. А может и нет...

Полковник, снова выскочивший из-за спин генералов, попытался задать вопрос Гамлету, но у него это не получалось.

— Потом я пришёл в Белый Город, — продолжал Гамлет. — В воинской части на КПП сидит старший лейтенант. Спрашиваю: мне к майору Налбандяну, который нас на полигон отправил. Старший лейтенант говорит: майор срочно в отпуск убыл вместе с семьёй. Я ещё спрашиваю: тогда его зам или кто вместо него — есть? Старший лейтенант говорит: нету, тоже в срочном отпуске. Меня такой ответ не удовлетворил, а даже наоборот возмутил: и что же, говорю, их угораздило в декабре в отпуск уходить? Старший лейтенант говорит: не знаю...

— Как фамилия старшего лейтенанта? — снова подскочил полковник.

— Не перебивай, — сказал маршал. — Пусть говорит.

— Короче, отоварился я в магазине, тушёнку купил, сгущёнку, хлеба и конфет. И пошёл обратно. В результате мы остались живые. Всё.

Маршал молчал, тёр лоб, чесал затылок. Потом сказал:

— Вы убиты, ребята. Плановые учения для вас закончены.

— Как убиты? — спросил Гамлет.

— Уже? — воскликнул Спартак.

— Не понял, — сказал Онегин.

— Условно убиты, — пояснил маршал. — В результате плановых учений. А теперь давайте-ка берите ноги в руки... или как там говорят? — руки в ноги... и марш-бросок отсюда, чтобы через десять минут здесь и духу вашего не было. Сматывайтесь!

— Куда, товарищ маршал? — спросил Спартак.

— Откуда явились.

— Это очень двусмысленный адрес. Конкретно: куда? Мы же всё-таки военные люди. Нас же тут по приказу поставили. Как часовых на посту. Тут как бы разводящий нужен и начальник караула. По уставу.

— Разводящим буду я, — сказал маршал. — И начальником караула тоже. Слушайте приказ. Собирайте свои манатки — и бегом отсюда. И дай вам бог...

— А зачем вы бога-то вспомнили? — спросил Онегин.

— Сынок, это я к слову сказал. Не по уставу. По-простонародному.

— А у нас командировочные предписания, — сказал Гамлет. — Надо отметить и расписаться.

— Полковник! — гаркнул маршал.

— Я здесь.

— Поставь этим ребятам убытие. Штампик какой-нибудь.

— Штампика нету. Могу лично написать.

— Пиши, ёшкин кот.

Полковник принял от лейтенантов командировочные предписания, разложил на полевой сумке и принялся делать пометки, ставил подпись и дату: 6 декабря 1988 г.

Последнее предписание он протянул Гамлету и сказал:

— Вы мне сейчас всё опишите в докладной записке. Подробненько. Кто, где, когда...

Маршал повысил голос:

— Не разводи базар, полковник. Все по машинам! — И добавил, обращаясь к лейтенантам: — Одно место свободное. Кто с нами?

— Спасибо, — ответил Спартак. — Мы вместе пойдём.

— Поторопитесь, ребята...

17.
НАВАЖДЕНИЕ

Идут, идут...

Присели передохнуть, портянки перемотать.

Гамлет достал командировочное предписание, разглядывает.

— Смотрите, что мне полковник написал! Вместо «убытие» написал «убитые»...

— И у меня тоже, — сказал Спартак.

— И у меня, — сказал Онегин.

— Ни фига себе заявочка!

— Ну, ладно. Им виднее...

Под утро вошли в Белый Город.

— Я бы сейчас газировки попил, — сказал Онегин. — «Буратино».

Из-за поворота показался патруль: офицер и два солдата с автоматами Калашникова.

— Сейчас будет нам буратино... — сказал Гамлет. — Айн, цвай, драй!

Лейтенанты переходят на парадный шаг и, отдавая честь, проходят мимо патруля.

Патрульные, впрочем, не обратили на них никакого внимания.

Лейтенанты останавливаются в недоумении.

— Они нас не увидели? — восклицает Онегин.

— Не видят! — говорит Гамлет.

— Проверим?! — говорит Спартак.

Лейтенанты бегут в обратном направлении, обгоняют патруль, Спартак и Онегин повторно маршируют мимо него, а Гамлет остановился на пути патруля, присел на корточки, отдавая при этом честь.

Офицер с ходу натолкнулся на Гамлета, остановился, в недоумении осматривается и идёт дальше. Гамлет ставит подножку солдату, тот спотыкается и чуть не падает...

Патруль удаляется.

Офицер оглядывается.

— Ненаучная фантастика, — говорит Онегин.

— Которую полковник в блиндаже сочинил, — добавил Гамлет.

— Почему ненаучная? — спросил Спартак. — Очень даже научная. Можно даже формулой изобразить. Маршал со свитой — и мы.

Патруль — и мы. Белый Город — и мы. Вообще, вся страна — и мы.

— Ты преувеличиваешь, — сказал Гамлет.

— Почему преувеличиваю? Нет! Всё складывается очень даже научно.

— Только мы в таких формулах — пустое место, лишние, — сказал Онегин. — Нет нас. Убитые.

— Не лишние. В том-то и дело, — сказал Спартак.

— А кто ж тогда — мы?

— Арифметическая погрешность.

— Ну, если так...

Поравнялись с магазином.

Переглянулись.

— Зайдём? — предложил Спартак. — Кофейку спросим...

— Чудовищно! — заорал Гамлет. — Ты, Спартак, специалист с университетским образованием, только что на наших глазах сделал семь орфографических ошибок в простом слове «водочки»! Стыд и позор!

— А ты, Гама, — сказал Онегин, — одну. В слове «водички»...

Развеселились лейтенанты.

— Пошли! — скомандовал Спартак.

— Погоди. Надо свериться, — сказал Гамлет.

Вышарил из кармана горсть монет. Отделил одну: юбилейный рубль «50 лет Советской власти». На аверсе стоит Ленин в полный рост и рукой указывает вверх...

Гамлет положил монету на циферблат наручных часов и удовлетворённо крикнул.

— Ты чего колдуешь? — спросил Онегин.

— Не колдую. Сверяюсь с вождём. Смотри: он рукой куда указывает? Как раз на число 11. С этого времени наше правительство разрешило продажу алкоголя. Вперёд, бродяги!

Зашли в магазин. За прилавком дремлет усатый дядя.

— Здравствуйте, уважаемый! Мы к вам!

Дядя даже ухом не повёл на приветствие. Это уже совсем нехорошо.

Гамлет зашёл за прилавок, выбрал со стойки четвертушку водки и пачку печенья. Отсчитав нужную сумму, брякнул её на прилавок перед дядей, да ещё и пальцем постучал: вот, дескать, ровно без сдачи.

Дядя поражён внезапно возникшей перед ним кучкой денежной мелочи. Озирается, пожимает плечами...

Лейтенанты вышли из магазина. Присели на скамью напротив входной двери. Спартак сорвал с бутылки фольговую береточку. Гамлет печеньки пополам разламывает и раскладывает на носовом платке, приговаривая:

— Вот это будет у нас как будто селёdochка... А это будет как будто огурчик бочкового посла...

— Картошечку не забудь! — говорит Гамлету Онегин.

— Ни в коем случае! — Выкладывает печеньку: — Картошечка! Как учили!

Спартак тем временем уже разлил водку в складные дорожные стаканчики.

— Готово! Поминки начинаются!

— Поминки по нам?

— Не только, дорогие товарищи. По светлой памяти полковника Саакяна, незабвенного наставника нашего.

И дорогие товарищи подхватили наперебой:

— И по другому полковнику, похоронщику нашему!

— По дедушке маршалу всего Советского Союза!

— По дядюшке Паруайру!

— По Белому Городу!

— По социалистической родине!

— По Варшавскому Договору!

— По миру во всём мире!

— Стоп, ребята! На всех одной чекушки не хватит. Давайте за всех и за всё сразу.

— Ура!

— Аминь!

Выпили, не чокаясь. Пожевали печеньки.

— И вот, — сказал Гамлет, поглаживая себя по животу, — всё вокруг мгновенно захорошело...

— Заколосилось...

— Опоросилось...

— Забило ключом...

— Устаканилось...

— И заматерело!

Замолчали лейтенанты. Задумались.

— Интересно. Меня нет, а всё вокруг осталось, как прежде.

— Это нормально. Хуже, когда наоборот.

— Чем хуже?

— Там жить уже нельзя. В пустоте. Где даже праха нет.

— Мы втроём. Это уже не пустое место.

— Их тоже было трое.

— Кого?

— Компания Воланда.

— С чего ты это вспомнил? Придуманные же персонажи, литературные.

— Не знаю. Просто вспомнил. И это даже хорошо, что их придумали. Мне они нравятся. Весёлые сукины сыны, симпатичные.

— Нечисть, вообще-то.

— Зато умные и наглые. И как работают! Артисты экстра-класса. Всё могли и всё умели. И именно они довели Мастера и Маргариту туда, где эта парочка встретила рассвет.

— Не в загробный мир!

— Ну, да. В загробном мире рассветов не бывает.

— А что там бывает? За краем. Пустота?

— У сферы нет края.

— И всё-таки там что-то есть. За горизонтом событий — что?

— И вопроса такого нет и не может быть.

— Почему же? Вопросы как раз есть!

— В принципе?

— Да.

— В принципе — так. Невозможно задумываться над тем, чего в принципе нельзя познать. Чтобы вылететь за пределы Вселенной или хотя бы получить оттуда сигнал, объект должен обладать скоростью, превышающей скорость света. Но физики доказали, что этого быть не может.

— Пока ещё не всё доказано. Ещё много белых пятен и чёрных дыр. И много ещё чего докажут. Из интереса.

— А разве может быть интересным то, чего нет?

— Но ведь есть же, должен быть край, в конце-то концов!

— Этого мы никогда не узнаем...

— Ладно. Топаем в военный городок. Сдадим обмундировку, переоденемся в своё барахло — и по домам!

Встали. Пошли.

Не успели и пару шагов пройти, как из дверей магазина выскочила тётя с большим пакетом мандаринов — и с размаху налетела на лейтенантов, как будто бы даже не увидев их. Пакет выпадает из её рук. Мандарины рассыпаются в разные стороны, точно шары в биллиардном поле. Большинство из них проваливаются, словно в лузы, в чёрные дыры... А один, самый большой, ярко-оранжевый, стремительно вращается на одном месте, мигает, подобно фонарю-вертухайчику на милицейской машине, при этом быстро увеличивается в размере и издаёт звук тревожной сирены...

Следует взрыв.

И всё в мире стихает.

Мир пахнет хлоркой. Единственное окно в мир замазано густым слоем извёстки. Но может это наледь? Может.

Спартак пальцем протёр оттаину и продолжал протирать сначала стекло, потом небо, потом облако... И протёр дырочку в озонном слое. И увидел бога. Бог был старенький и пе-

чальный, как больной Левитан, и говорил маминым голосом:

— Спи, товарищ боец... Спи. Сегодня без баюльной песенки... Спи так...

Мамин голос переходит в озвученный метрономом:

— Спи-так-спи-так-спи-так...

18.

ТО, ЧТО ЕСТЬ

Спартак открыл глаза и увидел дыру в небо...

Слишком ярок, слишком яростен был этот свет потустороннего мира. Но всё же он был милосерден. Он входил в кромешную тьму медленно, вопреки физическим законам, предписывающим ему непостижимую скорость. Он вползал осторожно, крадучись, как будто опасался причинить боль человеческим глазам.

Вверху грохотал камнепад.

Скрежетало, грохотало, ворочалось гулко, осыпалось на лицо тяжёлой пылью...

— Онега! — закричал Спартак. — Я вижу небо! Слышишь меня?

Онегин не отзывался.

— Гама! Отзовись! Ты слышишь?

— Слышу...

— Я вижу свет, Гама! Что-то рухнуло и появился свет! Онега не отвечает...

— Я боюсь, Спартак...

— Чего ты боишься? Свет же!

— Я боюсь, что свет появился вместо Онеги...

— Гама!

— Не кричи... Я слышал, как Онега хрипел... Потом перестал...

— Гама! Нас было трое!

— Теперь нас снова трое, Спартак... Третьим стал свет...

И снова что-то загремело, рухнуло, посыпалось.

Дыра в небо стала ещё шире, и мутный от пыли луч с неба вонзился во тьму и дотронулся до лица Спартака.

И тогда Спартак услышал лай собак и человеческую речь. На немецком языке.

— Гама! Ты слышишь?

— Собак слышу... И немецкие слова...
Цвай, драй...

— Это что такое?

— Оккупанты с овчарками...

— Война, что ли?

— Онега говорил: слава богу, что война, а не конец света... Пора выходить сдаваться... И уходить в партизаны...

— Да ну тебя... Ты уж совсем доигрался, Гама... И что дальше?

— Ничего... Дальнейшее — молчание...

19.

ТО, ЧТО БЫЛО

На задворках райцентра мальчишки играют в войнушку.

Баррикада, засады, окопы, аэродромы... — из подручных и доступных средств.

Деревянные автоматы, пистолеты, сабли...

На верху баррикады — Онегин в красном плаще с мечом. На голове мотоциклетный шлем.

— Смерть немецким оккупантам! — кричит. — Янки гоу хоум! Но пасаран!

Со всех сторон стреляют в Онегина, трещат языками, тараторят, изображая автоматные очереди:

— Та-та-та-та-та...

Онегин зажимает рукой смертельные раны и продолжает звать:

— Родина или смерть! Патриа о муэрте!

Потом аккуратно падает с баррикады на землю и громко стонет:

— Прощайте, товарищи... Считайте меня коммунистом... Рот фронт!

К нему подбегают противники, тычут автоматами.

— Отвалите! — кричит Онегин. — Лежачего не бьют!

— Тогда вставай!

— Не встану! Мне и так хорошо... Я убитый. За родину!

Онегин складывает руки на груди и закрывает один глаз. Другим с интересом наблюдает за дальнейшим развитием военных событий.

Гамлет и Спартак — воюющие стороны, противники.

— Выходи, Гама! — кричит Спартак. — Ты уже убитый!

— Я не до конца убитый! — отвечает Гамлет, высовываясь из-за укрытия.

— Убитый! Я первый стрелял!

— Ну, и что, что первый? Зато ты не попал! Все твои пули мимо меня проскочили!

— Попал! — настаивает Спартак. — Бросай оружие! Выходи сдаваться! А то больше не будешь с нами в партизаны играть!

Гамлет в укрытии замолк, обдумывая ультиматум, потом выходит с поднятыми руками.

— Плачь и умоляй! — приказывает Спартак.

— Не дождёшься!

— Будешь! Так положено!

— Не буду!

— Почему это ты не будешь? Все немцы будут, а ты не будешь?

— Не буду и всё!

— Нет, ты скажи почему!

— Потому что потому!

— По какому потому?

— А потому, что сегодня я немец, а завтра ты будешь!

— Я за немцев не буду, — говорит Спартак. — Я теперь буду только за наших.

— Так нечестно, — говорит Гамлет. — Твой черёд. По правилам. А если не хочешь по правилам, так не играй!

— А мне уже разонравились правила, — говорит Спартак. — Сегодня за немцев, завтра за наших...

— Это понарошке! Сегодня ты, а завтра я...

— Не хочу!

— Ну, и уходи из игры!

— Не ты один меня принимал! Все пацаны!

— Пацаны тебя понарошку принимали.

— Нет, по правде!

— А если по правде, то у нас народу не столько много, чтобы понарошку играть...

— Хватит! Мне надоело с тобой разговаривать! Падай! Ты убитый. Как Онега.

— Онега говорит: перед богом все равны, наши и немцы...

— Так это перед богом! Ему какая разница? Ему, может, скучно? Как старику Хоттабычу... Вот он и придумывает... И вовсе не трудно придумать, что все равны...

НАВАЖДЕНИЕ

... И склонилось над миром лицо.

Большое лицо. Во всё небо.

В просвете радужной мыльной пены. То самое лицо, которое однажды давно увидел мальчик Спартак новорожденным взглядом из тёплой ванночки при первом купании... Но, быть может, это и не пена была, а седые олимпийские кудри и пушистая борода... Или — облака курчавые..

И говорит лицо:

— Трудно быть богом. Это я сказал. И услышали меня немногие: только два ваших фантастически доверчивых брата. Третьего не нашлось. Только два услышали и буквально отчеканили: трудно быть богом. Ему ведь, живому, тоже многое хочется. То-сё, пятое-десятое. Но ему никак невозможно позволить себе ни того-сего, ни пятого-десятого. Ему нельзя даже на миг вечности оставить без присмотра это неразумное, это вечно ребячливое человечество, которое

уже столько веков всё балуется и балуется, то со спичками играется, то с ураном... Играется — не наиграется, наиграться не может... Безобразие! Пора бы уж как-то взрослеть... Маленькими были — так мамки ваши прятали от вас спички в самую потаённую, самую недоступную глубинку кухонного пространства. Подросли... Ну, спасу же нет от таких подростков! Хуже маленьких! То врагов себе накликают, то войнушки затеют не понарошке, то химические элементы в земле поделить не могут, то ещё какую-нибудь мировую угрозу выдумают... Да угомонитесь же! И не надо сгущать краски. За вас это сделает вечер... А мне ведь уже некому за вас молиться. Нечем помочь. Разве что... вот, лови-ка! На дорожку...

И летит из ниоткуда к Спартаку пушистый клубок, серенький, совсем такой, какой у тётушки Нунэ на коленях шевелился, из него шерстяные носки получались, тёплые.

Летит, летит... Прилетел. Мягко стукнулся об Спартака — и обратно покатился.

Катится, за собой след оставляет, будто паучок. И чем дальше укатывается, тем меньше становится, меньше и меньше, и, нако-

нец, исчезает из виду, как будто бы его вовсе не было, один след остаётся, тоненькая ниточка...

21.

ТО, ЧТО ЕСТЬ

— Гама! — крикнул Спартак.

Дальнейшее — молчание.

Спартаку стало страшно. Впервые и по-настоящему страшно.

И он завыл.

Он выл на одной ноте, несуществующей.

Он выл, чтобы не оставаться одиноким.

Он выл, выдыхая в триединый звук себя, свой безмолвный внутренний голос и зыбкий свет, лучащийся издалека...

Спартак пошевелил пальцами правой руки и почувствовал, что может вызволить её, подвёрнутую за спину.

Превозмогая боль, освободил руку и положил её на грудь.

Замолчал. Прислушался.

Снова что-то зашуршало над головой, и горло захлестнула петля. Спартак пальцами нащупал её. Это был ремешок кожаного футлярчика транзисторного радиоприёмника. Потянул, перебирая пальцами, ремешок — и на лицо упал сам приёмник.

Не веря самому себе, Спартак нащупал колёсико настройки...

Включил...

Транзистор заговорил...

Это был голос католикоса Вазгена Первого.

— ... возлюбленные братья и сёстры! Не забудем, что мы и в израненном, и в отчаянном состоянии продолжаем оставаться христианами. Наш верующий народ на протяжении всей своей истории множество раз по самым разным причинам претерпевал мученичество то в малом, то в большом количестве. Даже историки считают проявлением чуда само сегодняшнее существование армянского народа. Как выдержал, как выстоял армянский народ перед всеми этими испытаниями? Как победил силы смерти? Как сумел возродиться?..

«Я уже слышал эти слова! — подумал Спартак. — Клянусь хлебом! Это говорила мама»

Мама до сих пор учит школьников истории. Каждый год в каждом классе она начинала первый урок с того, что устраивала диктовку, а ученики записывали на первой странице тетрадки по истории слова, и выучивали их скорее и надёжней, чем тексты торжественного обещания юного пионера и комсомольской клятвы, а позже и военной присяги... Сколько их было позже? Много. Выветрились. Остался в памяти текст маминой диктовки. Посреди ночи разбуди, спроси — можно даже не просыпаться и наизусть отчеканить: «История армянского народа — роковая история из-за страны его, ибо кто же может быть в безопасности, расположившись на линии огня между перестреливающимися окопами на большой военной дороге всемирной истории? Все культурные ценности Армении, талантливо создаваемые, были тщетной попыткой устроиться в стремительном потоке, и все они непрестанно были уносимы течением».

— Помните, — говорила мама. — Так сказал русский мудрец Флоренский. Это вам пригодится тогда, когда вы будете искать истину.

Мама водила учеников по руинам ушедшего в землю городища Тигранакерт, построенного до новой эры... по лабиринтам древних крепостей... по скрипториям монастырей, в которых создавались древние евангелия...

— Помните, — говорила мама.

Она явила перед школьниками раннехристианскую церковь Бри Ехци с элементами языческого декора... и Амаратский монастырь... и фрески Дадиванка... и хачкары, старые курганы, из которых сели и оползни вымывали монеты и керамические черепки с немыслимо далёкой датировкой...

— Помните, — говорила.

Она говорила: от древних наших историков Хоренаци и Гандзакеци тянется прямая нить к Раффи и Орбели, а фольклор оборачивается докладной запиской коменданта Шушинской крепости полковника Реута к российскому генералу Паскевичу...

— ... возлюбленные чада наши! Устремим наш взор в небеса, увидим там яркие и горящие звёзды надежды нашего народа. Перед смертью и после смерти возрождаются победоносно силы жизни, раскрывается вновь её цветок. В этом духе и с этой святой верой вознесём молитву нашу к Богу. Да примет он моление наше как ладан, взмывающий к высотам небес. Да обратит он лик свой к нам и да будет отныне и во веки веков в защиту и помощь нам, дабы наш народ продолжал жить под этим солнцем и достиг новых вершин. И да завещаем мы в этот час, что каждый из нас посадит по одному дереву на святой земле Ширака как кресты над могилами наших усопших...

Спартак закрыл глаза.

Спартак знал, что всё на свете рушится. Гибнут вечные города и империи, исчезают континенты и материки, а вот такие мелочи, как армянское радио... Им всё нипочём. Впрочем, спасибо маршалу за батарейку, за это ничтожное «почём», которому цены нет на всём белом свете, а уж во мраке со слепящей дырой в небо — и подавно.

Спартак не знал и даже предположить не мог, что в это время в руины Белого Города сквозь смятые в гармошку и ушедшие в подземелье бетонные пятиэтажки пробиваются люди с собаками.

Это были швейцарские спасатели.

Это была их миссия. Долг или работа. Призвание или служба такая.

Служение спасателей. Второе — после Спасителя.

А Белый Город — не за горами.

Он держится временем в каждой пяди Земли.

Ещё держится. Покуда не стали песчаной пылью во мраке те белые камешки, которыми мудрецы древности призывали по-фракийскому обычаю отмечать счастливые дни человечества.

КОНТР-ЭПИГРАФ

*История — ни в чем не виноватая,
А небо в Риме сытое и синее,
Там во дворце зарежут императора,
И перед смертью скажет он красивое.*

*Мы выбежим, поплещемся по площади,
Устроим давку, разметаем лавку,
И станет черным и проклятым прошлое,
А профили отправят в переплавку.*

*И будет истин — на четыре месяца,
И хлеб и цирк, чтоб все легко и просто.
А там опять начнется околесица
И звякнут патрули на перекрестках.*

*Грызня вслепую и игра взакрытую
Ломают власть, как ржавую ковригу.
Кого, хрустя костями под копытами,
На старый форум вывезет квадрига?*

*Отславословив старое и новое,
Дождемся ночи, вспомним время оно
И сложим ленты и венки грошовые
У статуи покойника Нерона.*

Михаил Гаспаров

*Сентябрь – ноябрь 2017
Сан Педро де Алькантара
(Испания) — Париж*

Содержание

Утренник с апельсином	5
Последний довод короля.....	29
Треугольник погрешностей	69

Виталий ДИКСОН
ТРЕУГОЛЬНИК ПОГРЕШНОСТЕЙ

Подписано в печать 27.04.2018 г. Формат 60x90 1/32.
Усл.печ. л. 5,0. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Дополнительный тираж 150 экз. Заказ 45704.

Изготовлено ООО «Репроцентр А1».
664047, г. Иркутск, ул. Ал. Невского, 99/2,
тел. (3952) 540-940. www.printrepro.ru

ISBN 978-1-387-58883-1

9 781387 588831